

С. 3

Начало Царства

На Рождество Христово после длительной катехизации силами Преображенского братства в Церковь вошли около восьмидесяти человек из восьми городов России и ближнего зарубежья. Подготовка взрослых к воцерковлению осуществлялась в течение полутора лет

С. 4

«...Да будет сия молитва о них таинством примирения»

В рубрике «Церковь сопротивления» приводятся слова удивительного акафиста – ходатайства за живых и умерших, и в том числе и за врагов: «Отче наш, прости пролившим невинную кровь. Отче наш, не осуди гнавших нас клеветой и злобою...»

С. 6

Он хотел полноты предания

Интервью священника Георгия Кочеткова к 30-летию кончины протоиерея Всеволода Шпиллера отвечает прежде всего на вопрос о том, как возможно сочетать любовь к парижскому богословию, трезвое понимание необходимости отделения церкви от государства – и любовь к «карловацкой» традиции

С. 8

Заостровье: год спустя

Вышедший год назад январский номер «Кифы» был практически целиком посвящён разорению Заостровского храма. Что произошло за год с приходом, с его бывшим настоятелем, с наполнявшим некогда этот храм народом? Что об этом говорили и писали в течение года?

Рождество Христово. Мастерская Богатырёвых. Невьянск, 1832–1837 гг.

Праздник надежды

Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Великой вечерни в праздник Рождества Христова

Сердце, обращённое к Богу, не может не трепетать при воспоминании о событиях, которые изменили течение человеческой истории. Действительно, говоря о пришествии в мир Бога, соединении Бога с человеческой природой, непостижимой тайне, которая никогда и никем в этой земной жизни не будет разгадана, мы проникаемся глубочайшим убеждением в том, что благой и совершенный промысел Божий действует в мире – в мире, который наполнен не только радостями, но и скорбями.

Чисто с человеческой – внешней, культурной, политической или социологической точки зрения можно сказать, что христианство принесло роду человеческому и почему мы называем новой ту эру, которая началась после Вифлеемской ночи. Действительно, это были грандиозные перемены в жизни людей. Христианская нравственная идея оплодотворила римское право и греко-римскую

культуру. Этот синтез дохристианской культуры с Божественной нравственной истиной, провозглашённый Спасителем, имел очень большое воздействие на умы и сердца людей. Этот синтез сформировал то, что до сих пор называется христианской цивилизацией. Мы можем много говорить о влиянии христианства на искусство и особенно на философию, потому что в центре размышлений о мире и о человеке после пришествия в мир Христа Спасителя был Бог, и главная философия жизни выростала из этого факта: того, что в центре человеческого бытия – Бог, ставший Человеком.

Но, с другой стороны, если посмотреть на жизнь людей, то конфликтов не стало меньше, скорбей не стало меньше, греха не стало меньше. Всё сказанное не требует никаких доказательств, особенно для современных людей и тех, кто, зная историю, может сравнить прошлое с настоящим. И тогда возникает самый важный вопрос: а что же по существу

принес Христос людям? Только ли новую философию, новую культуру, новую нравственность, новые стимулы для развития искусства и многих других сторон человеческой жизни? Конечно, нет! Господь принёс нечто большее.

Он рождается слабым и беззащитным младенцем в Вифлеемской пещере. Он проводит жизнь простого человека, плотника, также беззащитного, Которого очень легко схватить, арестовать, подвергнуть пытке и казнить. Он не опирается ни на какую силу, даже на Божественную силу свыше. Именно в этом смысл Его ответа Пилату, когда Он говорит, что мог бы сделать так, чтобы легион ангелов встал на Его защиту (см. Ин 18:36). Он не призывает эту силу. Почему же это происходит? А именно потому, что Бог требует от человека в отношении к Себе не действий по принуждению, будь то под влиянием человеческой или даже Божественной силы. Он требует от человека свободных действий.

Окончание на с. 2

Господь творит чудеса через Своих людей

Из слова священника Георгия Кочеткова на Новогоднем молебне 31 декабря 2013 года

Всякий год приносит нам новый опыт через множество событий, радостных и печальных. И нам надо делать из них выводы, чтобы сложить их в сокровищницы своего сердца. Мы должны всегда помнить, что мы начинаем новый год не с нуля, а продолжаем что-то, что Господь заложил в предшествующее время.

Если пытаться говорить обо всём 2013 году, то здесь прямо-таки глаза разбегаются, потому что событий было действительно очень много – и в нашем братстве, и в институте, и на поприще катехизации,

да и вообще в церкви и в обществе. И всё это для нас с вами важно и значительно.

Конечно, когда мы подводим итоги жизни нашего братства за этот год, мы прежде всего должны вспомнить страстотерпца отца Павла Адельгейма, убиенного в этом году. Но при этом мы должны больше всего чувствовать, что кровь мучеников – это семя христианства, и в этом смысле совершившееся – действительно победа и торжество Христова Духа! Убивающие тело не могут убить души человека, они не могут уничтожить то, что он сделал в течение всей своей жизни!

Отец Павел здесь – удивительный, святой пример для всех нас. Сейчас, после его кончины, уже можно давать какие-то определения, можно меньше стесняться громких слов. Обычно при жизни человека как-то стеснительно говорить о нём: «исповедник веры», «мученик»... Но ведь он действительно был таковым! Для нас он был не просто членом Попечительского совета института, не просто членом нашего Преображенского братства, хотя мы очень радовались тому, что именно в этом году (в самом начале года, за полгода до своей блаженной кончины) он вступил в наше братство и стал реальным, а не номинальным его членом, невзирая на все свои немощи, несмотря ни на какие обстоятельства. Он никогда не раздваивался и всегда всё успевал. Он всегда делал самое главное – неспешно, без суеты, спокойно, мирно и уверенно.

Окончание на с. 8

Он не сказал ни слова осуждения

Запись из блога священномученика Павла Адельгейма, посвящённая памяти отца Сергия Желудкова

17/30 января 1984 года почил священник отец Сергей Желудков, много значивший в духовной жизни Пскова. Он обладал замечательной способностью заинтересовать окружающих, заставить размышлять над духовными проблемами и объединить общими интересами. Он ушёл из жизни неожиданно. Как в гости приходил. Придёт, немного посидит, выпьет единственную чашку чая и перевернёт вверх дном. Ещё немного посидит и скажет: «мне пора».

В 1956–1960 годах идеологический отдел КПСС проводил акцию «добровольного» отречения священнослужителей от церкви. Многие священники отрекались публично через газету. Первыми ласточками были Дулуман, Дарманский, проф. Александр Осипов. В том году я поступил в первый класс Киевской духовной семинарии и прочёл письмо Дарманского в газете. Ничего интересного об этом письме память не сохранила. Произвёл на меня впечатление ответ на письмо Дарманского, подписанный священником Сергием Желудковым. Тогда это имя прозвучало для меня впервые. Отец Сергей учился вместе с Дарманским в семинарии. Письмо отца Сергия парализовало нравственной позицией христианина, сочувствующего беде однокурсника. Он не сказал ни слова осуждения. Разобрав наивные рассуждения Дарманского по существу, с душевной теплотой отец Сергей утешал его и призывал не

отчаиваться, «ибо у Бога море милости». Так состоялось моё заочное знакомство с отцом Сергием. Позднее, когда я был в лагере, до меня дошло великопостное письмо А.И. Солженицына патриарху Пимену. Солженицын призвал патриарха заступиться за храмы и верующих, которые в то время претерпевали гонения. Он просил патриарха заявить твёрдую позицию от имени церкви. Друзья прислали мне ответ отца Сергия на письмо Солженицына. Отец Сергей писал, что церковь не может быть «островом свободы» в государстве, творящем насилие над гражданами, и патриарх лишён рычагов воздействия на советскую власть.

Тогда я ответил отцу Сергию из лагеря, но письмо моё до него не дошло. Встретились мы впервые в 1976 году, когда я начал служить в Псковской епархии.

Окончание на с. 5

Праздник надежды

Начало на с. 1

Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Великой вечерни в праздник Рождества Христова

Каждый сохраняет свободу верить или не верить, принять Христа или не принять Христа, принять об-

раз жизни, который Он предлагает, или отвергнуть его; и нет никакого давления. А если когда-то в истории и были попытки силой государства, силой права, силой закона принуждать людей к вере, то все эти попытки оказались тщетными, потому что ничто не может извне повлиять на человеческий выбор, если сам человек с этим выбором не согласен.

Господь действительно становится одним из нас, Он входит в жизнь рода человеческого, Он входит в историю. Что же, Он входит как тот, кто не сумел справиться со стоящими перед ним задачами? Отнюдь нет, и мы знаем, что иначе и быть не могло. Если Сам Бог воплотился и стал Человеком и вошёл в человеческую историю, то это означает, что Он вошёл в неё как победитель, потому что другого быть не может, ибо Божественная сила превышает всякую человеческую силу. И эта победа Христа над злом, над дьявольской силой, явленная в ночь Воскресения, была продолжением Вифлеемской ночи и связана с пришествием в мир Господа.

Что же мы сегодня имеем? Мы живём в особую эпоху – в эпоху после при-

шествия в мир Христа Спасителя, когда явлена победа Бога над тёмной силой и над всякой человеческой неправдой. Это означает, что совершено уже величайшее действие Божественной справедливости, и Бог победил зло. Наверное, очень многие, кто меня сейчас слышат, удивляются и говорят: «Ну как же так, выйдите на улицу, посмотрите, что творится, – преступность, в том числе этническая, межнациональные конфликты, коррупция... Ну какая же здесь победа Христа?» А сколько каждый из нас испытывает на себе несправедливости и в большом, и в малом? Сколько обид, сколько скорбей, сколько болезней, сколько конфликтов и, переходя от личной, семейной, даже общественной жизни к жизни планеты, сколько войн, сколько несправедливости, сколько разного рода скрытых страстей, направленных на утверждение зла в роде человеческом! Где же здесь победа Христа? Потому многие и не принимают Господа. Для многих Он действительно представляется неким древним моралистом, учителем достойных вещей, которые никогда не могли быть реализованы. Для кого-то Он просто лидер, духовный предводитель группы людей, которая сегодня не составляет большинства населения земного шара.

Но всё это неправда. И неправда не потому, что люди сознательно эту неправду совершают в отношении миссии, начавшейся в Вифлеемской пещере, а потому что не видят, а может быть, и не могут видеть того, что реально произошло с родом человеческим через пришествие в мир Спасителя. Господь победил зло, а значит, всё наше человеческое зло,

которое так тяжело давит на каждого из нас. Нам кажется, что события объективны, а на самом деле их восприятие субъективно. Это некая виртуальная реальность, тесно связанная с нашим внутренним миром, это всё внутри нас. Это мы радуемся или скорбим, это мы совершаем дела благородные, честные или подливаем. Это мы идём по жизни в соответствии с нравственными принципами или становимся преступниками в прямом или переносном смысле этого слова. Это всё внутри нас. А объективно, если говорить в масштабах человеческой истории и даже метаистории, то есть того, что выходит за границы истории, – там только победа Христа.

Что же это означает для всех нас? А это означает, что мы, ставшие рядом со Христом, стоим на стороне силы, хотя эта сила представляется невероятной слабостью очень многим. Мы стоим вместе с Богом, сила Которого превышает всякую человеческую силу. И наш долг, в первую очередь служителей Церкви, но не только, долг каждого, кто называет себя христианином, – утверждать Божию правду, борясь со злом, временным и преходящим, очень часто субъективным и виртуальным, но приносящим реальную скорбь людям. Мы призваны утверждать Божию правду и в больших, и в малых делах, и в личной, и в семейной жизни, и в жизни нашего общества. Служить Воскресшему Христу, служить Младенцу, родившемуся в Вифлееме, и означает утверждать Его правду о мире и о человеке, и это величайшее призвание.

И потому «да не смущается сердце ваше – веруйте в Бога и в Меня веруй-

те», – говорит Господь Своим ученикам (Ин 14:1). Эти слова из последней Его беседы с апостолами накануне страданий обращены и к каждому из нас: не смущайтесь, не пугайтесь, будьте тверды, с вами Божия правда. Вот почему мы называем Рождество Христово праздником надежды, потому что через соприкосновение с этим событием мы обретаем великую надежду на то, что явлена будет и нам, и другим, и всему миру Божия правда – рано или поздно, через радость или через скорбь, через мир душевный или через страдания; и не существует ничего, что было бы сильнее этой правды.

И в день Рождества Христова, обращаясь ко всем вам, мои дорогие, я призываю хранить веру в сердце, хранить её крепко, неповреждённо, потому что это реальный фундамент для созидания жизни, достойной человека. Верим и надемся, что победа Христа, уже совершенная, уже ставшая реальностью, отобразится и в наших деяниях, в деяниях каждого человека, в деяниях народа нашего и нашего Отечества. Исполненные этой Рождественской надеждой, ещё и ещё раз испросим у родившегося в Вифлееме Младенца мира и процветания Отечеству нашему, всей исторической Руси и её народам, Церкви нашей и каждому, особенно тем, кто, храня веру в сердце, стремится жить в соответствии с этой верой. Аминь.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси
Фото с сайта Патриархия.ру

Православие за рубежом

Памяти профессора Оливье Клемана

15 января исполнилось пять лет со дня его кончины

Один из самых известных православных богословов, историк, профессор Свято-Сергиевского православного института в Париже, один из основателей и многолетний председатель Православного братства в Западной Европе, в молодости он активно занимался политикой, потом заинтересовался буддизмом и индуизмом, а в 30 лет стал православным благодаря Лосскому, Бердяеву и Достоевскому.

Как вспоминает священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Преображенского братства, он познакомился с Оливье Клеманом ещё в начале 1990-х годов, когда тот приезжал в Москву по приглашению Александра Кырлежева для чтения лекций, которые были опубликованы потом в журнале «Православная община». Известный богослов пришёл на богослужение во Владимирском соборе б. Сретенского монастыря, который восстанавливало в то время Преображенское братство.

Впоследствии Оливье Клеман неоднократно читал лекции в Свято-Филаретовском православно-христианском институте и стал членом его попечительского совета. В 2004 и 2005 годах представители просветительско-благотворительного братства «Сретение» в последний раз были в гостях у Оливье Клемана. На этих встречах шел разговор о братстве. После первого же из этих разговоров он очень воодушевился и сказал, что тоже хочет вступить в братство. Тогда один из братьев отдал ему свой членский значок.

Справка

Оливье Клеман родился 17 ноября 1921 года в Севеннах, на юге Франции. Его отец и дед были атеистами, поэтому он рос в среде социалистов, где религия не практиковалась. Будучи студентом, некоторое время Клеман изучал марксизм. Впоследствии изучал историю религий под руководством известного французского историка Альфонса Дюпронта в Университете Монпелье. В годы Второй мировой войны участвовал во французском Сопротивлении.

Клеман принял крещение в православной церкви в возрасте 30 лет. По его воспоминаниям, обращение в православие произошло после прочтения книги Владимира Лосского «Мистическое богословие Восточной Церкви». Также влияние на него оказали книга Николая Бердяева «Философия свободного духа» и произведения Фёдора Достоевского. Изучал святоотеческое богословие под руководством Владимира Лосского, который считал его самым одарённым учеником и стал его близким другом.

В течение тридцати пяти лет Клеман был профессором сравнительного и нравственного богословия в Свято-Сергиевском православном институте в Париже. Являлся также почётным доктором Лувенского университета в Бельгии, факультета православного богословия в Бухаресте в Румынии, преподавал во многих других учебных заведениях.

Он был убеждённым сторонником единства христиан и сторонником диалога с нехристианскими религиями. Оливье Клеман стремился к построению взаимного уважения между христианами разных церквей, ожидая, что в будущем они не будут требовать друг от друга, чтобы их церкви были идентичными. Он близко общался со многими выдающимися церковными деятелями разных конфессий: Константинопольским патриархом Афинагором I, Папой Римским Иоанном Павлом II, архимандритом Софронием (Сахаровым), румынским богословом священником Думитру Станилоэ, основателем экуменической общины Тэзе братом Роже.

Оливье Клеман написал около тридцати трудов по богословию и церковной истории, а также многочисленные статьи. Часть этих трудов переведена на иностранные языки, включая рус-

По просьбе проф. Оливье Клемана Александр Копировский дарит ему членский значок братства «Сретение»

ский. Среди его книг наиболее известны: «Православная Церковь» (1961), «Византизм и Христианство» (1964), «Беседы с Патриархом Афинагором» (1969), «Дух Солженицына» (1974), «Сердечная молитва» (1977).

Материал подготовлен Дарьей Макеевой
Информационная служба Преображенского братства

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва:
+7-964-534-64-55 (Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56 (Анна Гринман),
+7-965-128-15-07 (Марина Чиркова)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Сушевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 22 января 2014 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 28 января 2014 г.

gazetakifa.ru

Миссия и катехизация

Начало Царства

На праздник Рождества Христова около восьмидесяти человек из восьми городов России и ближнего зарубежья воцерковились после оглашения в Преображенском братстве, при этом шестеро взрослых и трое детей приняли таинство крещения и миропомазания. Подготовка взрослых к воцерковлению осуществлялась в течение полутора лет силами малых православных братств Преображенского содружества. Всё это время оглашаемые с помощью катехизаторов входили в традицию Церкви, усваивали основы православной веры и жизни.

В течение всей Светлой седмицы новоцерковленные участвовали в Евхаристии и причащались святыих Христовых таинств, а также усваивали основы догматики, сакраментологии, христианской антропологии и аскетике.

Мы публикуем слово о. Георгия Кочеткова, духовного попечителя Преображенского братства и ректора СФИ, обращённое к новопрощённым.

Слово на Евангелие (Мф 28:16–20)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане!

Мы с вами радуемся таинственному просвещению всех тех, кто сегодня здесь крестился, потому что именно ради этого Господь истощил Себя, сначала приняв человеческую плоть, вочеловечившись, а потом приняв крестную смерть на Голгофе. Через смерть Единородного Сына Своего Бог наш проявил Свою любовь ко всем. Это божественное истощение, этот кеносис, и есть Любовь Божья. Бог есть Любовь, но Любовь кенотическая, Любовь, которая способна отдать себя до конца!

Для того чтобы войти в этот мир, Бог должен был отказаться от всех Своих божественных преимуществ, от всех Своих божественных сил, от всех Своих божественных образов. Христос, будучи настоящим Человеком, в котором содержалась вся полнота Божества телесно, в этом простом и даже униженном, рабском виде явил нам, что путь любви – это путь всех, путь каждого человека, если он верит, надеется, любит. Человек достигает высоты своего призвания только тогда, когда он вмещает в себя эту любовь и приносит достойные её плоды. И именно к этому призван каждый крещённый человек!

Увы, мы слишком привыкли к тому, что быть крещённым почти ничего не значит. Это лишь принадлежность к какой-то общности – или народной, или, может быть, культурной, философской, религиозной. И меньше всего крещённые люди в наше время думают о своём призвании нести свет в этот мир! «Вы – соль земли, вы – свет мира!» – говорит Христос своим апостолам и ученикам (см. Мф 5:13, 14). Но почему христиане об этом забывают? Люди уже перестают ждать от них этого величайшего откровения, которое даётся только во Христе и через Христа. Люди обращаются ко всяким мистическим практикам, к психологии, к философским и религиозным учениям, к чему угодно, но во Христе, как им кажется, они ничего нового для себя найти уже не могут. И это происходит только потому, что мы забыли слово евангельское, а нам забывать его нельзя!

Христос говорит о Себе ясно и определённо: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф 28:18), – то есть во всём мире, по отношению ко всем людям, по отношению к истории, природе, космосу, ко всем мирам! «Мне дана вся власть. Я – Господь», – говорит Христос. Но из этого Он делает замечательный вывод: «Идите теперь вы и сделайте учениками все народы» (см. Мф 28:19). И в этом наше призвание: возродившись от воды и Духа, приобщившись ко Христу, к Его Любви, Его Жизни, Его Царству, нам надо теперь идти и делать учениками все народы. Ведь Христос хочет видеть в Царстве Небесном всех, без всякого исключения! Нет ни одного народа, ни одного человека, который ещё живёт на земле, которого Христос не хотел бы видеть в Божьем Царстве, в Царстве вечной Жизни! Но этому способствовать, этому служить должны мы с вами. Если другие не проповедуют, если замолкли те, кто должен был говорить, то пусть камни возопиют! И пусть каждый из нас, несмотря на всю нашу жуткую немощь, скажет слово с солью, пусть каждый принесет людям свет, радость, счастье, мир и жизнь!

Но, конечно, нужно не просто делать людей учениками Христа, надо ещё крестить их во имя Отца и Сына и Святого Духа, надо наполнить их новой жизнью Отца, новой жизнью Сына, новой жизнью Духа Святого! А для этого их надо ещё научить соблюдать

Благословен Бог, просвещающий и освящающий всякого человека, приходящего в мир!

всё, что заповедал нам Христос. Это ещё одна наша задача, и, может быть, в наше время ещё более трудная. Иногда люди даже и готовы оставить в стороне все свои человеческие интересы, все свои забавы, всякие плотские утехи, всякий мирской почёт и славу ради того, чтобы проповедовать имя Христово, но как трудно бывает даже таким проповедникам следовать всему, что Христос нам открыл! Как трудно бывает учить людей соблюдать всё, что Христос заповедал нам! Потому что, чтобы учить, надо самому являть – пусть посылно, по нашим человеческим возможностям, но при Божьей поддержке, – являть собой эту новую жизнь! Людей надо учить соблюдать заповеди Христовы, исполнять слово Христово. Надо привить им любовь к Христовой Правде, Справедливости, Истине и Любви, к Свободе, к Духу, к Свету! Только тогда мы – настоящие христиане, и тогда именно к нам относятся заключительные слова Христа: «Я с вами во все дни до скончания века!»

Аминь.

Информационная служба Преображенского братства

Церковь и общество

40-летие «книги века»

Интервью с Никитой Алексеевичем Струве

28 декабря 1973 года, сорок лет назад, вышел в свет первый том одной из самых значимых книг XX века – «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Исаевича Солженицына. О том, как это было, рассказывает её издатель Никита Алексеевич Струве, глава издательства УМСА-Press, профессор Университета Париж-Нантер, член попечительского совета Свято-Филаретовского православно-христианского института

Уважаемый Никита Алексеевич, расскажите об атмосфере тех дней сорок лет назад, когда из печати вышел «Архипелаг ГУЛАГ». Что Вы о ней помните?

Выход книги сопровождала атмосфера тайны. Никто ничего не знал. Книгу тайно набирал Михаил Лифарь, которому я полностью доверял. Когда книга пришла из типографии, я лежал дома больной: у меня был грипп. Конечно, было сознание, что это большое событие и большая честь для нас, что выход книги что-то поменяет в судьбе автора. Помню, что я сказал: «Второй том Солженицын будет читать уже на Западе».

У Вас было такое предчувствие?

Да, почти убеждение, что это ему поможет... Вскоре пришло письмо с подтверждением появления книги в России. 4 января книга была уже у Солженицына. Её быстро доставили ему, на самолёте.

Он как-то дал знать сразу?

Да, он написал. Я вскоре получил письмо, в котором Александр Исаевич писал, что держит в руках изданную книгу, благодарит. Письмо пришло тайными каналами, через посольство. Сейчас я могу уже называть имена: нашим основным тайным каналом была Ася Дурова, которая работала в России во французском посольстве.

Было ощущение радости, счастья от того, что что-то большое происходит?

Да, да, естественно. События как-то быстро разворачивались... «Архипелаг ГУЛАГ» имел колоссальное влияние на всю Европу. Слава Богу, что довелось быть причастным к этому событию мирового значения. Хотя потом встреча с Александром Исаевичем, общение и, смею сказать, дружба с ним затмили сам факт выхода книги.

Сейчас, когда прошло сорок лет, у Вас ощущение, что значение этой книги за это время умалилось или возросло?

Второго такого свидетельства эпохи нет. Да, конечно, есть книги Шаламова и других. Но «Архипелаг ГУЛАГ» больше, чем свидетельство. Это художественная книга, это целостный образ эпохи, человека, уникальное художественное откровение о человеке XX века. ГУЛАГ и перестал существовать в России отчасти из-за этой книги.

Вам представляется, что благодаря этой книге какие-то черты Архипелага исчезли из нашей жизни. Нам же из России кажется, что многое очень прочно осталось...

Вы знаете, это сложный феномен – постсоветская Россия. Двадцать лет назад в России началась новая эпоха большей или меньшей свободы. Конечно, новая Россия унаследовала некоторые черты того, что много лет в ней строилось, укоренялось. И всё-таки ГУЛАГ такой, как его описал Солженицын, исчез.

Публикация такой книги, как «Архипелаг ГУЛАГ», требовала мужества, духовной стойкости, духовной сопротивляемости. Есть ли эти качества у современных молодых людей в России и на Западе? Если есть, то откуда, если нет, то можно ли их воспитать?

Большей духовной стойкости это требовало от тех, кто жил в России. Здесь, на Западе, нам было гораздо легче. В XX веке в России была трудная история. Но она воспитывала в людях эту внутреннюю твёрдость, способность к духовному сопротивлению. Теперь история пошла более гладко...

Люди измельчали?

Немного измельчали... В этом смысле «Архипелаг ГУЛАГ» имеет ещё одно важное значение: он являет опыт человека, оказывающегося в ситуации предельного зла.

Так выглядела обложка первого издания «Архипелага»

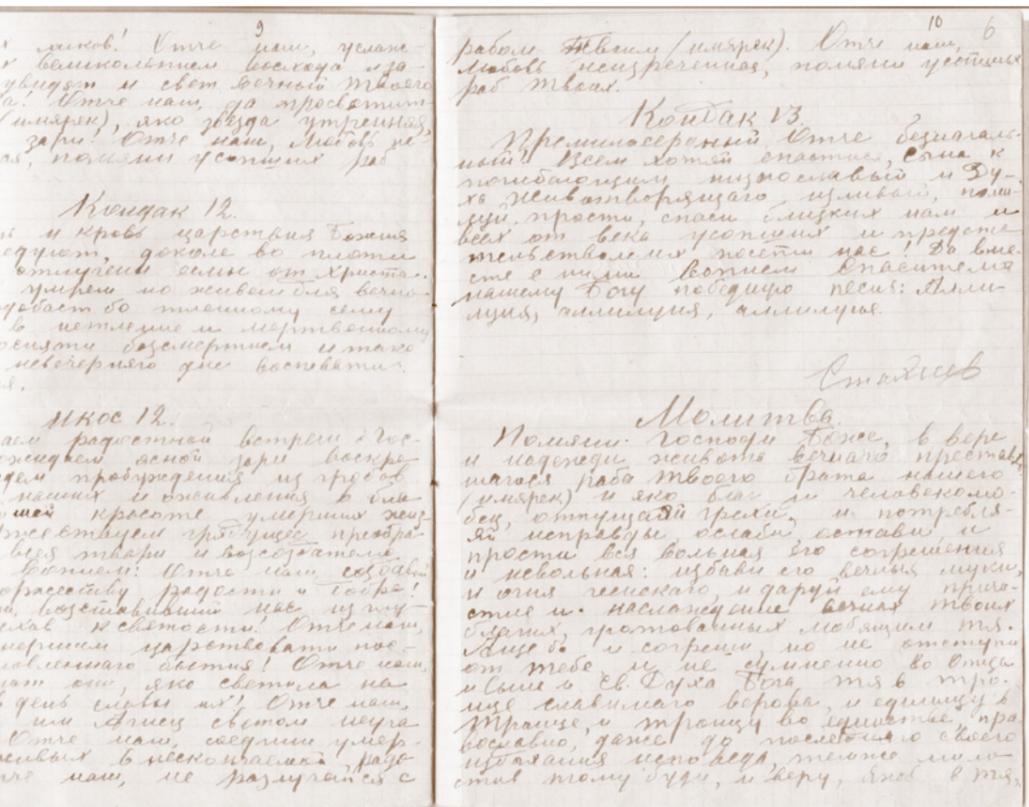
Как Вы относитесь к акции публичного чтения «Архипелага», с которой выступили малые православные братства в Архангельске и Воронеже? Имеют смысл такие акции?

В ситуации, когда в России появляются некоторые тенденции к частичной реабилитации советской системы, в том числе и со стороны ряда церковных иерархов, это имеет большое значение. Голос Солженицына должен звучать.

Спасибо. Будем считать это Вашим благословением на предстоящее чтение.

Беседовала Юлия Балакина
Информационная служба Преображенского братства

«...Да будет сия молитва о них таинством примирения»

Тетрадь о. Анатолия с акафистом

В делах репрессированных христиан, находящихся в Государственном архиве административных органов Свердловской области, много вдохновенных историй о том, как верующие отстаивали храмы, защищали и поддерживали своих священников, сохраняли монашеские традиции, молитвенную, общинную жизнь, христианское просвещение, обличали и призывали к покаянию своих врагов. Но дело священника Анатолия Алексеевича Стахива выделяется обнаруженным в нём особенным образом духовного сопротивления.

К октябрю 1938 г. расстреляны или отправлены в исправительно-трудовые лагеря все священнослужители Сухоложского района Свердловской области, служившие в храмах или просто жившие на этой территории¹. Он – последний, дни его свободы сочтены (вероятно, он знал о грядущем аресте), поэтому составляет текст, который является молитвенным ответом на все те обстоятельства, которые терзали христианские души его современников. В чудом сохранившейся в деле школьной тетрадке обнаружен акафист по умершим, написанный о. Анатолием 12 октября 1938 г., за две недели до ареста².

Начинается акафист с беспокойства за участь всех во множестве усопших современников: «Помянув слово Исаака Сирина, глаголюща: "сердце милующее и о людех, и о животных, и о всей твари, ежечасно со слезами приносит молитву, дабы сохранились и очистились". Посему и мы дерзновенно просим у Господа помощи всем от века умершим, зывая: Отче наш, помяни всех заповедавших молиться за них. Отче наш, изгладь забытые ими грехи. Отче наш, согрей сердце наше жалостию и ко врагам истины. Отче наш, помилуй всех без молитвенного погребения схороненных. Отче наш, прими в Твоя селения внезапно умерших от горя и радости. Отче наш, низпосли преставльшемуся (имярек) мир и покой о Святом Духе. Отче наш, Любовь неизреченная, помяни усопших раб Твоих»³.

Но прошедшие 20 лет гонений требуют и более конкретной молитвы, прежде всего о врагах, о таинстве примирения с ними: «Орел небесный, осияющий крылами любве Твоя весь мир, Свете Тихий, Искупитель вселенныя, слышали мы Твой вопль со креста о врагах: "Отче, прости им" и во имя Твоего все-

прошения сами дерзаем молиться Отцу о вечном покое Твоих и наших врагов. Отче наш, прости пролившим невинную кровь. Отче наш, прости строивших свое благополучие на слезах другого ближнего. Отче наш, не осуди гнавших нас клеветою и злобою. Отче наш, воздай милостию всем обиженным нами. Отче наш, утешь всех нами по неведению оскорбленных. Отче наш, да будет сия молитва о них таинством примирения! Отче наш, истреби рукописание грехов почившаго (имярек). Отче наш, Любовь неизреченная, помяни усопших раб Твоих».

Текст написан как молитва по умершим, но судьба и ответственность живых занимают автора не меньше: «Мы виновны в бедствиях мира, в страданиях бессловесной твари, в мучениях невинных детей, ибо грехопадением людей разрушены блаженство и красота творения. Величайший из невинных страдальцев, Ты, Господи властей, и прости всем, прости и верни миру древнее благоденствие, да и мертвии, и живые покой обрящут, зывая: Аллилуия».

Особенно пронзительно звучат слова поминовения о пострадавших в гонениях: «Спаси, Господи, скончавшихся в тяжких мучениях, убиваемых, погребенных живыми, задушенных землею, поглощенных волнами и огнем, растерзанных зверями, умерших от глада, мраза и падения с высоты, и за скорби кончины даруй им вечную радость, да благословят время страданий своих, яко дань искупления, воспевая: Аллилуия».

Горячая вера в Божье милосердие и всепрощение, запечатленная в словах, написанных в страшное время Большого террора, особенно поразительна и убедительна: «Всем, у кого Ты отъял еси жизнь в светлой юности; всем, коим дал на земле конец терновых страданий; всем, не видевшим счастья земного, Ты воздаждь лучами Твоея загробныя Божественныя любве. Отче наш, услади их сладостный даров Духа Святаго. Отче наш, вознагради умерших под тяжким бременем трудов. Отче наш, прими в чертоги рай усопших отроков и дев. Отче наш, сподоби их ликования на вечери Сына Твоего. Отче наш, умягчи скорбь родителей об утрате детей. Отче наш, упокой всех одиноких, о нихже не мы молиться. Отче наш, да изсякнут грехи их в лучах Твоего всепрощения.

Отче наш, дай рабу Твоему (имярек) одежду белую, победную. Отче наш, любовь неизреченная, помяни усопших раб Твоих».

Пятые икос и кондак посвящены ходайтайственной молитве за безбожников и хулителей: «Яко последнее средство к вразумлению и покаянию рода человеческого Ты, Господи, даровал еси смерть, при грозном блистании ея обнажается суета, утихают плотские стремления, смиряется непокорный разум, открывается вечная правда, посему и закоренелые грешники в безбожии, на смертном одре исповедуя бытие Твое, Вечный, ко Твоему милосердию зывают: Аллилуия. Отче всякаго утешения, Ты озаряеши солнцем, Ты услаждаеши плодами, Ты веселиши красотою мира и друзей и врагов Твоих. Веруем, яко за гробом, в вечности не истощается милосердие Твое милующее и к отверженным всеми грешникам. Отче наш, скорбим об ожесточенных беззаконниках и хулителях святыни. Отче наш, да будет над нами спасительная воля Твоя. Отче наш, сжался над уязвленными гибельным неверием. Отче наш, не познавший Тя на земли да возлюбит Тя на небеси. Отче наш, прости скончавшихся без покаяния. Отче наш, спаси погубивших себя в омрачении ума. Отче наш, да угаснет пламень нечестия их в море благодати Твоея. Отче наш, Победитель ада, избави от осуждения в нем преставльшагося (имярек). Отче наш, Любовь неизреченная, помяни усопших раб Твоих».

У о. Анатолия было много возможностей оценить состояние душ своих современников (к моменту написания текста он уже 30 лет как священник), кажется, он кожей чувствует температуру адского пламени и поэтому, «яко о себе самом», призывает нас молиться о «страждущих во аде»: «Страшен мрак души удаленной от Бога, терзание совести, скрежет зубов, неугасимый огонь и червь неумирающий!.. Трепещу!.. И мне таковыя участи, и яко о себе самом молюся о страждущих во аде, да снидет к ним росуя прохлаждения песнь наша: Аллилуия».

Гонения 1930-х породили со стороны христиан не только подвиги мучеников, но и волны малодушия, отречения, запредельных компромиссов. Где находятся их души по смерти? В любом случае они тоже нуждаются в особой молитве, так же как по-христиански необходима просьба о милости к их гонителям: «Где бы возсиял свет Твой, Христе Боже, аще не сидящим во тьме и сени смертной. Там же и поминают Тя сущия во аде души: сниди снова в преисподняя земли, изведи во отраду разлученных с Тобою грехами, но не отрекшихся от Тебя. Во имя Сына и Духа помолитесь Отцу: Отче наш, чада Твои страждут, помилуй их. Отче наш, согрешили они на небесах пред Тобою. Отче наш, тяжелы их грехи, но сильна милость Твоя. Отче наш, Ты Сына Своего послал еси грешников спасти. Отче наш, посети горькую нищету удаленных от Тебя душ. Отче наш, помяни гнавших истину по неведению. Отче наш, да будет любовь не огнем, но прохладою райскою. Отче наш, избави от пламени всякаго отшедшаго к Тебе (имярек). Отче наш, Любовь неизреченная, помяни усопших раб Твоих».

Видя обилие и понимая тяжесть грехов многих своих современников, автор акафиста, тем не менее, не может согласиться на окончательное разделение. Любовь мучеников в том, что кровь устоявших способна очистить павших: «Отче наш, за молитвы страдальцев, за кровь мучеников пощади грешников. Отче наш, прими наши милостыни и молитвы яко во исполнение их добродетелей. Отче наш, да будет кровь Сына Твоего источником жизни для ныне поминаемого (имярек). Отче наш, Любовь

неизреченная, помяни усопших раб Твоих».

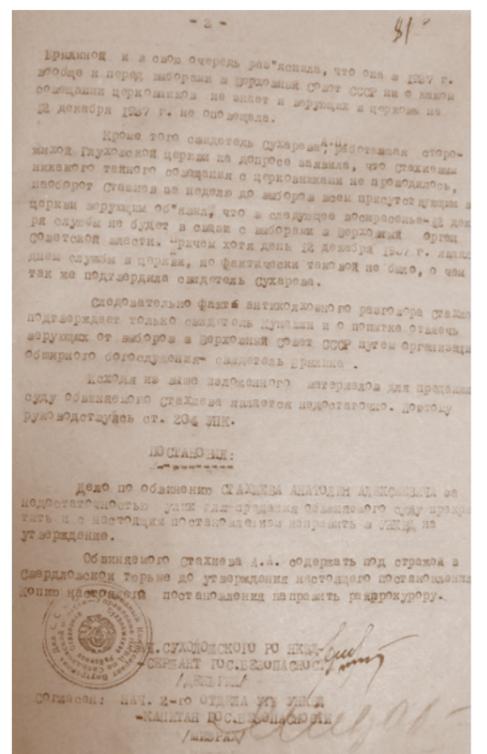
1938 г. – пик репрессий, поэтому некоторые части текста можно воспринять и как молитвенную подготовку к мученичеству: «Смерть, где твоя сила? Где твой прежний страх и страхи? Ты желанная отныне, ты сочетаеши неразлучно с Богом. Ты – великий покой! Таинственное субботство. Апостол зывает: "желание имеем умереть и со Христом быти". Тем же взирая на смерть, яко путеводительницу к жизни, зовем: Аллилуия».

Но с такой же силой документ свидетельствует и о великой радости, надежде на Воскресение и Преображение: «Ожидаем радостной встречи с Господом, ожидаем ясной зари воскресения, ждем пробуждения из гробов ближних наших и оживления в благоговейнейшей красоте умерших жизнью. Торжествуем грядущее преобразование вся твари и Возсоздателю нашему возопием: Отче наш, создавший мир торжеству радости и добра! Отче наш, возставивший нас из глубины грехов к святости! Отче наш, даждь умершим царствовать посреде обновленного бытия! Отче наш, да возсияют они, яко светила на небеси в день славы их! Отче наш, да будет им Агнец светом неугасаемым. Отче наш, соедини умерших и живых в нескончаемой радости!»

Так горячо излитая христианская любовь оказалась великой силой. Отец Анатолий был арестован Сухоложским РО НКВД 26 октября 1938 года. А 17 ноября 1938 г. выходит постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое положило конец Большому террору. Начальник Сухоложского РО НКВД решает «дело за недостаточностью улик для придания обвиняемому суду прекратить»⁴. Отца Анатолия отпускают, он продолжает своей служение ещё 10 лет, до смерти в 1949 г. Похоронен возле храма, в котором служил последние годы, в пос. Талица Свердловской области.

Редактор рубрики и автор материала Оксана Иванова

¹ Шендриков И.В. Пострадавшие за веру. Материалы первой региональной научно-практической конференции «Сухоложье в истории Урала: связь времен». Екатеринбург, 2013. Издательство ООО «Трикс». С. 203.
² ГААОСО. Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 19062. Л. 7.
³ Здесь и далее цитаты в оригинальной орфографии, но с учётом современной пунктуации, по: ГААОСО. Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 19062. Л. 83. Конверт. Рукопись на 7 л.
⁴ ГААОСО. Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 19062. Л. 81.

Постановление о прекращении дела

Он не сказал ни слова осуждения

Запись из блога священномученика Павла Адельгейма, посвященная памяти отца Сергия Желудкова

Отец Сергий запомнился мне в старом пальто, тяжёлом, как вериги, и облезлой шапке. Он их так и носил до самой смерти. Сокровищ на земле он не собрал и жил подвижником и бесребреником, буквально в холоде и голоде. Не всегда мог затопить печку за отсутствием дров, не всегда мог купить хлеб за отсутствием денег. Жил он в Люботово (район г. Пскова), его пустила в свой дом одинокая прихожанка, выделив ему комнату. Его единственным имуществом была пишущая машинка и немного книг. В то время отец Сергий уже несколько лет не служил. Уполномоченный отнял у него регистрацию за «разжигание церковной пропаганды». Поводом послужил молебен, который отец Сергий отслужил о здравии больной женщины. Она исцелилась от хронической болезни. Это произвело впечатление на прихожан, поползли разговоры и слухи.

Под разным углом можно увидеть жизнь отца Сергия. Можно размышлять о его судьбе. Он был свидетелем трагического периода русской истории, и жизнь его полна скорбей. Можно размышлять о его богословии. Оно было живой и искренней потребностью души. То, что он изучал в семинарии, не хранил мёртвым грузом памяти, но осмысливал, углублялся в источники, стремился соотносить с современными проблемами. Сосредоточенность на Человеке, его одиночестве и нуждах объясняет особенности его богословия. Широта взглядов распространяла любовь Божию на всех и стремилась обнять каждого. Он был членом «Международной амнистии» и пользовался пристальным вниманием госбезопасности. Об офицерах организации говорил: «среди них тоже есть хорошие люди». Ещё говорил про псковское КГБ: «дракон у нас добрый».

Можно говорить о его литературной и общественной деятельности. Он был разносторонним человеком. Определяющей чертой его интересов было христианское мирозерцание, о котором не уставал говорить. Жизнь его была проповедью Христовой бедности, и слова не расходились с образом жизни отца Сергия.

Стремлением понять и раскрыть учение Христа заданы все его книги: «Почему и я христианин», «Литургические заметки», «Исповедь», статьи и письма. Он искал пути разрушить стену непонимания и отчуждения, незримо выросшую между христианским и атеистическим сознанием. Отец Сергий острожно переживал затаившуюся тоску по Богу современного человека, который стесняется этой тоски, заглушает её, не в силах переступить идеологические стереотипы. Человек нуждается в христианстве, и оно нуждается в человеке. Символ Веры, как гранёный алмаз, горит и играет всеми гранями, когда на него падает свет понимания. Символ Веры нельзя сохранить как сухой гербарий.

С тех пор, как апостолы возвестили Евангелие, воскресение мёртвых, Страшный суд и Царство Божие, христианские ценности наполнили жизнь смыслом для многих. Эти ценности стали содержанием жизни преподобных. За них умирали мученики. Им отдавали сердце многие христиане разных эпох – учёные, поэты, художники. Для многих поколений христианские ценности были надеждой и радостью. Так было...

Христианские святые и в наши дни ни от кого не спрятаны. Они не занавешены тайной от наших современников. Церковь по-прежнему проповедует Христа и Евангелие Царства. Только слушать эту проповедь становится некому. Храмы пустеют. Иногда священник служит один. За богослужением нет ни одного человека. В «Мелочах архиерейской жизни» Лесков называл такие богослужения «бесчеловечными». Мужчин мало. Оста-

ются женщины после сорока лет. Меняя год за годом свой состав, они всё больше утрачивают церковные понятия, скользя к обрядоверию, суевериям, магии. Большинство людей не хочет думать, говорить и спорить о вере. Они не отвергают и не принимают её. Они проходят мимо. Как объяснить религиозное равнодушие молодёжи? Духовное обнищание выражает стремление к потребительству. Оно ведёт к равнодушию, чёрствости и взаимному отчуждению. Духовная опустошённость обнаруживается у одних в погоне за материальными благами, у других в наркотиках и пьянстве, в развале семьи, беспризорности детей. Имущество, деньги, корысть становятся главными ценностями, а духовные сокровища пережитком романтической поры.

Ни к чему нам Бог.

Был бы денег звон,

в голове резон,

в животе пирог,

на ноге сапог.

Перед священником стоит вопрос: как проповедовать, чтобы современный человек захотел и услышал весть о Христе? Вопрос имеет два решения, ибо по-разному видятся причины религиозного равнодушия. Разрыв между церковью и современниками один – на счёт инертности церковной жизни, другие – на счёт самонадеянности и чёрствости современного человека. Церковь хранит вероучение неизменно из века в век.

Стремительное развитие цивилизации, технические достижения побуждают к переосмыслению духовных и культурных ценностей. Искусство живо реагирует на перемены. Церковные традиции меняются медленно. Разрыв между церковным и секулярным сознанием ставит перед христианской проповедью сложную задачу: сохранить сокровища веры и не потерять Человека во всё его многообразии.

Отец Сергий был гуманистом в самом положительном смысле слова. Он любил человека, следуя заповеди Того, Кто «так возлюбил мир, что Сына Своего единородного дал, дабы всякий верующий в Него не погиб, но наследовал вечную жизнь». Подобно Богу, о. Сергий ставил Человека в центре бытия, ибо спасением Человека обусловлен Божий Промысел. Отец Сергий полагал, что весь образ жизни церкви и её проповедь следует приспособить к современным особенностям эпохи и психологии человека. Он призывал к «широте церковного разномыслия», основанного на стремлении понять друг друга «люды различных взглядов. Какой смысл молиться «о соединении всех», если ничего для этого самим не делать? Противники такого взгляда называли это либерализмом, модернизмом, конформизмом, а то и экклезиологической ересью.

Другой взгляд предполагает необходимым изменить и очистить современное сознание через приобщение к неизменной и абсолютной Истине. Приспосабливать Истину к современному сознанию означало бы признать его эталоном Истины. Современное сознание, вместившее богатый опыт цивилизации, может приобщиться к Истине только через отречение от всего, что несовместимо с замыслом Бога о человеке, поскольку в падшем мире служить Истине, Красоте, Любви и Жизни приходится через выбор и подвиг: «не можете служить Богу и маммоне» (Мф 6:24). Этот взгляд усматривает в человеческом сердце придорожную почву, на которой не прорастает Слово Божие. В очерствевшем, «окаменном нечувствии» сознании не может расти и плодоносить Слово Божие.

Такая интерпретация притчи о семени ставит крест на духовной перспективе современного сознания. Оно оказывается безусловно осуждённым. Возможность спасения открывается ему через самоотречение и радикальную перемену, которую на церковном языке называют покаянием. Сторонники называют этот взгляд верностью церковной традиции, хранением церковного предания. Противники обзывают узостью взглядов, фундаментализмом, традиционализмом.

Отец Сергий называл эту позицию «сердитым христианством». Евангельские слова «кто веру обретёт и крестится, спасён будет, а кто не обретёт веры, осуждён будет» (Мк 16:16) о. Сергий считал позднейшей вставкой в евангельский текст.

Пренебречь одним из взглядов, осудив его как ложный, означало бы пройти мимо, не заметив и не поняв проблему. В основе каждого взгляда лежит переживание двух разных ценностей, одинаково близких сердцу христианина.

Первый взгляд основан на благоговении перед образом Божиим, живой иконой Бога на земле. Ценность Человека несомненна. «Чтобы привести нас к Богу, Христос однажды пострадал за наши грехи, Праведник за неправедных был умерщвлён плотью» (1 Пет 3:18). Если Христос умер за человека, Его последователи не могут пренебречь судьбой тех, кто отвергает Христа и пребывает в безнадежности смерти. Так понимал о. Сергий притчи о блудном сыне, заблудшей овце, потерянной драхме и Страшном суде.

Другой взгляд благоговейно хранит предание церкви, полагая в нём фундамент Домостроительства спасения Человека. «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мф 24:35). Слово Божие звучит в вечности сквозь время не как звуковая волна. В Слове открывается Бог. «Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин 1:14). Слово не действие, а Существо. Воплощённое Слово есть совершенный образ Бога – совершенный Человек, Иисус Христос. Во Христе связаны обе непреходящие ценности: Бог и Человек.

Два пути постижения Христа и служения Ему о. Сергий различал как христологию снизу (первый взгляд) и христологию сверху (второй взгляд).

Отец Сергий проповедовал Христа словом и жизнью. Он был праведником. Покинув землю, он невозбранно прошёл через мытарство гордости, ибо «был кроток и смирен сердцем».

Он был бесребреником, украсив себя бедностью и скудостью, невозбранно миновал мытарства жадности, скупости и корысти.

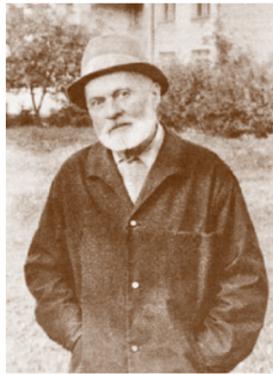
Невозбранно прошёл он сквозь мытарство пустословия и сквернословия, ибо «гнилое слово не исходило из уст его».

Невозбранно прошёл он мытарство жестокости и немилосердия, ибо нервом его жизни было сочувствие и сострадание.

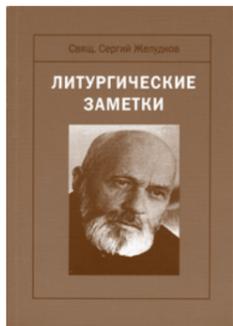
В нём удивляла ещё одна добродетель: он никого не осуждал. «Не судите, да не судимы будете»

(Мф 7:1). Таким обещанием Бог связал Свой суд. Потому надеемся, что о. Сергий «получил венец жизни, который обещал Бог любящим Его» (Иак 1:12).

Запись от 6 декабря 2011 года
Режим доступа: <http://adelgeim.livejournal.com/86716.html>

Из книги священника Сергия Желудкова «Литургические заметки»

которые мы и должны бережно сохранять, проявляя добрую, интеллигентную консервативность. Но вместе с ними в нашем литургическом наследии присутствуют и такие исторические наслоения, которые стали пережитками, которые сегодня имеют уже только отрицательное значение, от которых нам должно по мере возможности освобождаться. Нередко сюда присоединяется ещё и недо-

обычно принято восхвалять наше русское церковное Богослужение как верх всякого совершенства. Это действительно верно по отношению к подлинным драгоценностям,

статок церковной культуры у церковного начальства и исполнителей. В результате наше церковное Богослужение нередко оказывается таковым только по названию, ибо не выполняет своего назначения – не привлекает, не вдохновляет, не соответствует величию нашей веры, представляется не славой, а унижением Церкви. Сегодня и у нас, как и на Западе, можно говорить о литургическом кризисе христианства.

Признание этого факта несколько не унижает Самого Христианства. Тут уместна актуальная аналогия – глубокий кризис нашего «догматического Богословия». Тот, кто воистину прикоснулся святыне Христианства – тот может быть уверен, что оно преодолеет все трудности современной своей проблематики и будет исповедано на новом уровне универсальности и свободы... Подобным образом можно уверенно утверждать, что «если будет будущее» – то будет и дальнейшее литургическое развитие в

Христианстве. Мы не можем сегодня предвидеть всего во всей формальной конкретности; но наш долг уже и сегодня прилежно работать над тем, чтобы это развитие совершалось в добром направлении. И нам должно не различать «сегодня» и «завтра» в общем труде поколений...

...Сопоставляя историю развития церковного Богослужения с историей соборов, мы видим, что все литургические перемены происходили совершенно независимо от соборов. Соборы не составляли и не утверждали чинов литургии и никаких церковных книг. Церковное Богослужение – это искусство, многовековое творчество. Как и всякое творчество, его нельзя было осуществлять постановлениями. Во всём, что касалось Церковного Богослужения, соборы древней Церкви ограничивались только отрицаниями, запрещениями некоторых явно ложных уклонов: не преклонять колена в день воскресный; не брать за При-

чащение; не допускать непрерывного псалмопения без назидательных чтений; не входить в алтарь прежде епископа... Кстати: ни одно из этих древних запрещений ныне у нас не соблюдается.

Богослужение древней Церкви развивалось в свободе местного предания и живого творчества. Новшества возникали и приживались, входили в традицию, либо не приживались и исчезали; и всё это происходило постепенно, повседневно, мирно, так что учёные литургисты нередко теряются в догадках – когда же и как образовалась та или иная традиция. Эта «перманентная реформация» проходила во всё замедляющемся темпе, так что в позднейшей истории мы почти не замечаем движения – напротив, наблюдаем устойчивую консервативность в отношении современников к своим формам церковного Богослужения. Но если окинуть всё прошедшее одним взглядом – оно представится как грандиозная «реформа»...

К столетию со дня рождения протоиерея Ливерия Воронова

В начале 1960-х годов отца Ливерия Воронова, видного сотрудника Отдела внешних церковных сношений, часто выступавшего на международных конгрессах, выдвигали в руководство Всемирного Совета Церквей. Всё уже было решено, но накануне на одной из пресс-конференций за границей ему задали вопрос о том, как живётся верующим в Советском Союзе. Отец Ливерий решительно

заявил, что коммунисты преследовали и преследуют верующих, поэтому они враги христиан, но по заповеди Господней христиане должны относиться к ним с любовью и молиться за них. Так навсегда закрылась дорога во Всемирный Совет Церквей бывшему норильскому ээку профессору протоиерею Ливерии Воронову.

Ливерий Аркадьевич Воронов родился в 1914 году в Ораниенбауме. До войны успел окончить с отличием Ленинградский химико-технологический институт, в котором остался работать научным сотрудником, поступив в аспирантуру. Оказавшись на оккупированной территории, вскоре стал священником и вошёл в руководство Псковской миссии. Священники Миссии имели такую свободу, какой в советское время у них никогда не было. Они выступали в газетах и на радио, преподавали Закон Божий в школах, организовывали детские сады, помогали заключённым. К 1944 году на территории Псковской, Новгородской и Ленинградской областей ими было открыто 400 приходов. Отец Ливерий участвовал в Псковской миссии около двух лет. Срок лишения свободы за этот миссионерский подвиг был гораздо больше – 15 лет советского лагеря. И это несмотря на то, что отец Ливерий, единственный из приговорённых по делу Псковской миссии, даже под пытками не признал себя виновным. Можно сказать, что отцу Ливерии повезло: он был жив, когда на половине его срока было доказано, что следователи НКВД в отношении подследственных «допускали недозволенные методы: били руками по лицу, выдерживали на стойке в карцере, угрожали расстрелом, требуя признаний» в том, что священники – немецкие агенты, а также «допускали фальсификацию дел»; «показанья подписывались вследствие угроз, физического и психического воздействия следователей». Немедленно было решено оставшихся в живых сидельцев освободить. Трое заключённых миссионеров к этому времени уже умерли в лагере.

Выйдя на свободу, отец Ливерий блестяще окончил Ленинградские духовные школы, где и остался преподавать догматическое богословие, вскоре получил кандидатскую, а затем и докторскую степень богословия. В академии к нему относились с искренней любовью и уважением. Немногие студенты, имевшие доступ к «тамиздату», знали о его участии в Псковской миссии и пребывании в лагере. Отец Ливерий всегда был очень выдержан и осторожен в словах, после лагеря и больших страданий следил за каждым словом, был вынужден ходить «застёгнутым на все пуговицы». Однако при абсолютно консервативной форме подачи материала он преподавал смелые богословские мысли, делая это исподволь, например, включая в дополнительную литературу самые современные и вдохновенные работы, затрагивающие живые вопросы богословия.

Отец Ливерий позволял себе делать вещи, на которые не шли другие преподаватели, избежавшие репрессий. Он мог сказать студенту, которого за активную миссионерскую деятельность КГБ собирались изгнать из академии: «Будьте осторожны, над Вами сгустились тучи»*. Надо ли говорить, как много значило в те годы такое предупреждение!

Протоиерей Ливерий Воронов мирно почил в 1995 году, дожив до времени, когда стало возможно возрождение Церкви.

Анастасия Наконечная для «Воды Живой»
Благодарим Константина Обозного
за предоставленные архивные материалы

* Вот как об этом предупреждении вспоминал в своем интервью священник Георгий Кочетков: «Конечно, в те годы далеко не каждый мог позволить себе такое сказать, так поступить... Уже после моего изгнания из академии КГБ воздвиг против нас настоящую бурю и истерию, многие боялись даже подойти к нам, чтобы поздороваться, но о. Ливерий, тем не менее, повёл себя достойно. В кулуарах духовной академии он говорил преподавателям: "Вы бы и апостола Павла выгнали!"» («Кифа» №16(122), декабрь 2010 года).

Он хотел полноты предания

Интервью священника Георгия Кочеткова к 30-летию кончины протоиерея Всеволода Шпиллера

Отец Всеволод принадлежал к русской аристократии. Я знаю, что Вы обычно отмечаете это, вспоминая о нём, – так же, как Вы отмечаете это, когда говорите о патриархе Алексии I. Скажите, а чем для Вас это было важно? Мы все наследники советской пустыни – чем мог быть важен этот аристократизм для молодого человека тех лет и в чём он проявлялся?

Его аристократизм проявлялся в манере общаться, в темах разговоров – да и вообще во всём, со всеми плюсами и минусами. Но всё-таки плюсов было много больше: аристократизм есть аристократизм. Русская культура начала века была по-настоящему аристократичной. Впервые не отдельные, исключительные представители аристократии, а многие из тех, кто принадлежал к ней, обратили внимание на церковь, на философию, на научную деятельность, на культуру, занялись благотворительностью, стали известными меценатами. Это своего рода выдающееся явление, которое совершенно ещё не оценено. Лишь иногда приходится об этом слышать – например, когда говорят, что в эмиграции оказался весь цвет русской нации, что вся Россия оказалась за границей, а в России собственно России не осталось, она превратилась сначала в советскую Россию, а потом вообще в «страну советов», «совдепию»... И аристократизм о. Всеволода привлекал не только высокими знаниями, умением общаться, но, может быть, даже ещё больше тем, что это была как бы другая сторона медали, это были отблески настоящей России, которые мы уже не могли видеть в то время в самой России. Во всяком случае, я не мог. Русские старые аристократы были в основном истреблены в советское время, а остальные оказались подвергнуты такому прессингу и «перевоспитательному» давлению, которое убивало всё живое.

Я познакомился с отцом Всеволодом в 1972 году и до его смерти был очень близок с ним, более того, он был моим духовником, и я регулярно исповедовался у него. Поэтому я очень чувствовал неспешность его суждений и определённые позиции (с некоторыми я сразу соглашался, с некоторыми – нет). Многие в нём было предметом для подражания, потому что в нас была внутренняя жажда этой культуры, этой преемственности, которых нам не хватало. Это невозможно воспитать только одним чтением или какими-то формами знакомства со старым искусством, скажем, XIX – начала XX века. Тем более что очень многие темы были вообще табуированы в советское время, например, тема России. Нельзя было сказать: «я – русский»: в советское время Россия была под запретом, а если и упоминалась, то только в негативном плане, с какими-то похабными анекдотами с нижней ступени сознания. Это была не критика, это было поношение страны и народа. Так завёл – совершенно сознательно – ещё Ленин вместе со всеми своими друзьями, как правило, ненавидевшими Россию, и русских людей, и русскую культуру. А в общении с о. Всеволодом открывалась светлая сторона российской жизни.

Он сам представлял собой большую духовную силу, он был настоящим просветителем, я бы сказал. Это было главным его служением, главной заслугой. Но он был и культурным деятелем, не случайно его сын – известный дирижёр. Отец Всеволод умел как-то найти «модус вивенди» для себя и в церкви, и в обществе. Так что было чему удивляться, что принимать. Первый раз, когда у нас состоялся большой разговор, – кажется, осенью 1972 года – я был просто потрясён всем тем, что он мне говорил. Одну вещь я запомнил на всю жизнь: он сказал тогда, что не надо путать Христа и христианскую культуру. Передо мной этот вопрос в то время ещё вообще не стоял. Эта чёткая формулировка потом мне в жизни очень помогла.

Он давал Вам какие-то книги, которые сыграли большую роль в Вашем формировании. Что из этих книг Вы помните?

Я всё помню. Я к нему пришёл с очень конкретной просьбой: чтобы он был моим духовным отцом и чтобы у меня была возможность брать с кого-то пример, смотреть снизу вверх, учиться у старших. Это было для меня принципиально важно, потому что вокруг меня к тому времени, к осени 1972 года, было много людей, но это всё были неопиты. Я-то и сам был таким новичком, но всё-таки уже не первый год в церкви. А другие были совсем зелёными, и я был для них просто мэтром. Но сам-то я понимал, что моих знаний крайне недостаточно, что нужно учиться. И я просил о. Всеволода о таком духовном руководстве. Он сначала пытался мне вместо себя кого-то рекомендовать – из священников, потом из мирян: отца Владимира Тимакова, Андрея Ефимова и т. д. Но потом выяснилось, что это не очень подходит в моём случае, и он сам стал моим духовным руководи-

телем. И, конечно, я спросил его о тех книгах, которые в первую очередь нужно прочесть для того, чтобы войти в глубину и полноту православного предания. Он назвал их и даже давал мне читать «С нами Бог» Франка и «Православие» Булгакова, «Святых отцов и учителей церкви» Карсавина и «Святого Григория Паламы» отца Иоанна Майндорфа, и статью монаха Василия (Кривошеина) о богословском учении того же Паламы, и отца Георгия Флоровского «Византийские отцы IV и V-VIII веков», этот знаменитый двухтомник. А первая книжка, которую он мне порекомендовал, – «Философия хозяйства» Булгакова: он знал, что я уже закончил общеэкономический факультет Плехановского института. Он знал хорошо и «парижское» богословие, и наследие карловчан. Мы с ним одно время немного расходились в оценке Бердяева, но к концу жизни он очень положительно высказывался и о нём. Правда, это прозвучало лишь на самой последней моей исповеди у него, уже перед его смертью.

Он вырос под влиянием владыки Серафима (Соболева), которого принято считать не просто консервативным, а крайне фундаменталистским деятелем. При этом о. Всеволод принимал парижское богословие, понимал и то, что кончилась Константиновская эпоха (ведь именно он готовил проект отделения Болгарской православной церкви от государства, да и вообще считал, что церковь не должна с государством слишком заигрывать). Как одно с другим совмещалось?

Отец Всеволод хотел быть «мостиком» между карловацкой церковью и евлогийской церковью. Он очень ценил и то, и другое, очень любил отца Сергия Булгакова, но любил и многих «карловчан». Как-то он мне рассказывал, как служил литургию святого апостола Иакова, когда у него на одном клиросе пел сербский патриарх, а на другом – митрополит Антоний (Храповицкий). Но он был слишком аристократичен для того, чтобы просто поднимать на щит в общем-то не самую плодотворную богословскую и духовную карловацкую ветвь Русской церкви. Конечно, он её ценил, но он ценил, повторяю, и парижскую школу, при том, что сам уже находился в юрисдикции Московской Патриархии – правда, критически относился ко многим сторонам её практической деятельности. Так, он считал, что можно выполнять задания Отдела внешних церковных сношений, только если они согласуются с его совестью. А если не согласуются, то можно и не выполнять.

Он очень ценил потаённую церковь, в частности, старцев Даниловского монастыря. И он хотел именно полноты предания, хотел строгости и одновременно дерзновенного творческого начала.

Беседовала Александра Колымагина

Чем рискуют богословы и учёные

22 декабря в Свято-Филаретовском институте состоялся четвёртый научный семинар «Богословие и физика». Серия семинаров, начатая весной 2013 года, ставит своей целью восстановление традиции свободного диалога между представителями фундаментальной науки и христианского богословия. В этот раз его участники говорили о критериях истинности познания.

В семинаре приняли участие выдающиеся современные физики, математики и астрономы: акад. РАН Алексей Александрович Старобинский (Институт теоретической физики им. Л.Д. Ландау), чл.-корр. РАН Игорь Васильевич Волович (Математический институт им. В.А. Стеклова РАН), д-ра физ.-мат. наук Александр Викторович Багров (Институт астрономии РАН), Владимир Яковлевич Карпов (Институт электронных управляющих машин им. И.С. Брука), Галина Васильевна Шпатаковская (Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша); канд. физ.-мат. наук Сергей Михайлович Апенко (Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН), Евгений Викторович Иванов (ИЗМИРАН), Максим Иванович Зельников (Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН/СФИ); Владимир Павлович Логвиненко (РУДН), Сергей Михайлович Неретин (НИЦ «Курчатовский институт»). От СФИ во встрече приняли участие ректор священник Георгий Кочетков, проректор Дмитрий Сергеевич Гасак, зав. кафедрами института д-р филос. наук Григорий Борисович Гутнер, канд. филол. наук Давид Мкртчичевич Гзгзян, Лариса Юрьевна Мусина и учёный секретарь, канд. пед. наук Александр Михайлович Копировский.

Представители научного сообщества сошлись во мнении, что, оценивая научные теории, можно говорить скорее не об истинности, а о правдоподобии. Наука имеет дело с созданием лишь приближённой модели мира, сказал А.В. Багров. Среди нескольких альтернативных теорий предпочтение отдаётся той, которая больше объясняет, помогает осмыслить практику, отметил Г.Б. Гутнер. Такое вытеснение одних гипотез другими, более плодотворными, венгерский учёный Имре Лакатос назвал «прогрессивным сдвигом проблем». Интересно, что ещё до появления критического рационализма американский философ Чарльз Сандерс Пирс говорил о науке как о «евангельском предприятии», имея в виду, что научные гипотезы проверяются евангельским принципом «по плодам».

Проректор СФИ Дмитрий Гасак и профессор СФИ, член Межсоборного присутствия Давид Гзгзян

И в науке, и в богословии основная трудность связана не столько с подтверждаемостью, сколько с опровержимостью построений. «В науке есть критерии истинности и ошибочности, – сказал академик А.А. Старобинский. – Мы можем не только путём эксперимента, но и чисто математически обнаруживать ошибочные теории, в которых есть внутренние противоречия, и отказываться от них. Вам в богословии значительно сложнее. Откровение даётся конкретному человеку, а человек может ошибаться. Но когда человек говорит не только о том, что ему было откровение, но и что именно он лучше понимает истину, чем все остальные, это опасно. Я с некоторых пор перестал говорить, что есть противоречия между наукой и верой. Есть противоречие между наукой и мнением некоторых людей, которые думают, что они понимают истину лучше других, причём таких людей много и среди светских учёных».

Процедуры верификации и фальсификации отработаны в сфере научной мысли, но гораздо сложнее говорить о подобном критическом подходе к богословию, отметил заведующий кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ Д.М. Гзгзян. А такой подход позволил бы более ясно увидеть преемственность внутри христианской богословской традиции, выявить принципиальное родство богословия и науки и избежать многих недоразумений, добавил он.

Дискуссия завязалась вокруг вопроса о статусе истины в богословии. А.В. Багров высказал предположение, что в отличие от науки, богословие ограничено тем, что мыслит истину как данную свыше

завершённую систему догматов, исключаящую всякую конкуренцию и разнообразие гипотез. Отец Георгий Кочетков напомнил, что в начале XX века в России православные богословы как раз говорили о том, что догматическая система не неподвижна внутри себя. «Истину нельзя понять догматически, – писал Николай Александрович Бердяев. – Истина есть не объективная данность, а творческое завоевание... творческое открытие... творческое преображение реальности». Отец Георгий заметил, что богословское знание не претендует на исчерпывающую полноту, оно не есть последняя глубина духовного опыта человека. «Когда мы говорим об Истине, мы говорим о Боге, а не о богословии», – добавил он.

Хотя духовные истины даются как откровение, это откровение живого Бога живому человеку, и нельзя сказать, что оно не подвержено сомнению и не требует проверки. «На каком основании человек доверяет своему внутреннему опыту? Можно ли сделать этот опыт, подобно научному, предметом последовательного обсуждения?» – спросил С.М. Апенко.

Справа – академик Алексей Александрович Старобинский, рядом с ним его супруга. Слева – Александр Викторович Багров, ведущий научный сотрудник Института Астрономии РАН

Как и естественнонаучная, богословская проверка тоже предполагает сообщество людей, способных увидеть её результаты. «В вопросах установления истины человек не может обойтись без других, – заметил проректор СФИ Д.С. Гасак. – В науке часто первичную роль играет интуиция. Но учёный не может сделать интуицию окончательным критерием истинности, он должен её немножко объективировать. Богословы находятся в таком же положении: необходимо сообщество, в котором результаты их познания могут подвергнуться проверке». Правда, критерии духовной истины строже – они неизбежно включают духовные качества. Алексей Степанович Хомяков писал, что «познание божественных истин дано взаимной любви христиан и не имеет другого блюстителя, кроме этой любви».

При всех безусловных различиях богословского и естественнонаучного методов, реальность, с которой они имеют дело, одна и та же. В то же время альтернативные подходы часто уживаются и в пределах самой науки. «Бывают математические модели, абсолютно разные по своей структуре, по объектам, с которыми они работают, – рассказал академик А.А. Старобинский. – Но после довольно хитрого переобозначения переменных они могут приводить к практически одинаковым результатам, то есть обе альтернативные модели могут правильно описывать реальность. Классический пример – частица-волна в квантовой механике, но сейчас таких примеров обнаружено существенно больше».

Отец Георгий добавил, что во всяком познании присутствует богословский мотив. «Настоящий учёный хочет открывать тайны, хочет познавать мир, но само это желание – не научного происхождения, – сказал он. – В то же время переживание новизны, красоты и гармонии, известное учёным, связано с откровением Божиим в этом мире».

Главное, что роднит богословский и научный метод, – необходимость идти на риск проверки. Учёный рискует, что его теоретические построения дадут прогнозы, которые никогда не оправдаются. Ещё больше рискует богослов, поскольку вопросы, на которые ищет ответ он, – о Боге, человеке и его пути. Но может ли человек ими не задаваться?

Познание человеком вселенной, Бога и своего места в мире и пред Богом ставит множество вопросов. Один из них – может ли Бог существовать без человека? С него участники семинара договорились начать очередное обсуждение в марте.

Софья Андросенко
Фото: Николай Токарев
Информационная служба СФИ

В поисках языка

Интервью с иеромонахом Родионом (Ларионовым), заместителем заведующего кафедрой теологии НИЯУ МИФИ

Свято-Филаретовский институт в течение нескольких лет проводит встречи физиков и богословов, посвящённые прежде всего проблемам познания. Насколько Вы считаете важным проводить такого рода встречи в разных учебных заведениях и что Вы считаете здесь основным?

Я считаю это принципиально важным и для богословия, и для науки. Поскольку и в Европе, и в Америке, да и во всем мире тема религии не была запретной, богословие и наука взаимодействовали на всем протяжении существования университетов, опираясь на факультетскую структуру. В России богословские факультеты не сложились*, и вся система духовного образования была сконцентрирована преимущественно в академиях и семинариях. Богословская научная школа у нас сформировалась в XIX веке независимо от университетов и Академии наук, хотя и в тесном сотрудничестве. Только в новейшее время появились православные университеты и богословские факультеты. Мы здесь только нащупываем путь – не оставляя традиционного уклада духовного образования, пытаемся адаптировать то лучшее, что было накоплено в истории европейских университетов. С точки зрения содержания существуют междисциплинарные области, которые требуют пристального внимания и объективно интересуют как физиков, так и богословов. Например, новые данные науки, особенно в области космологии и происхождения жизни, требуют осмысления в рамках библейской традиции, церковной традиции, традиции Откровения. Это в определённом смысле вызов для современного богословия. Отреагирует ли богословие на это – или мы сделаем вид, будто ничего и не происходило, и наука и богословие разойдутся как в море корабли?

По опыту семинаров СФИ можно судить, что сами учёные заинтересованы в том, чтобы как-то понять богословие со своей точки зрения. Здесь существует вопрос «перевода» на современный язык того богословия, которое было всегда, но сегодня, вероятно, должно, оставаясь тем же, прозвучать по-новому.

Конечно! Оно должно прозвучать и на языке той парадигмы, которая лежит в основании науки. Красоту и непреходящее значение Откровения нужно суметь показать, а это от нас зависит напрямую – и от священнослужителей, и от мирян. Поэтому такие семинары должны преследовать и научные, и просветительские цели.

Мы в МИФИ сейчас тоже делаем первые шаги в этом направлении, и я надеюсь, что это вызовет интерес у наших коллег.

Иногда создаётся впечатление, что в современном отторжении некоторыми представителями интеллигенции церкви как таковой часто кроется просто непонимание, неадекватное представление о том, что Церковь утверждает, что она проповедует. Может быть, здесь очень важно ту часть интеллигенции, которая на самом деле, внутренне, за Церковь, не отпугнуть просто потому, что нет диалога, нет общего языка для разговора.

Совершенно с Вами согласен. И даже там, где люди настроены против, надо стремиться услышать друг друга. Учёные – настоящие учёные – всегда слышат своих коллег. Сегодня от нас всех зависит формирование того поля взаимодействия и конструктивного сотрудничества, которое бы не только позволило выработать язык взаимопонимания, но и достигнуть конкретных результатов. На Западе этих результатов достигают. Почему мы не можем?

Беседовали Максим Зельников, Александра Колымагина

* В отличие от стран Запада, где теология всегда оставалась частью университетского образования, в России богословие исторически развивалось в рамках религиозных учебных заведений (в XVI–XVII вв. на территориях, частично вошедших впоследствии в Российскую империю, в виде высших православных школ, организованных многочисленными братствами, прежде всего Львовским и Виленским, позднее – в виде духовных семинарий и академий), где преподавалось вместе с рядом прикладных дисциплин (устав, апологетика, церковное пение, пастырское богословие). По образцу западных университетов, сочетавших светское и духовное образование, после присоединения Украины в едином Московском государстве действовала только преобразованная позднее в Московскую духовную академию основанная по инициативе Симеона Полоцкого Славяно-греко-латинская академия. Академия должна была давать общее гуманитарное образование. Предполагалось, что училище будет открыто для всех, независимо от социального положения, в нём учились и дети князей Одоевских, и дети холопов. Среди учащихся были М.В. Ломоносов, Л.Ф. Магницкий, В.К. Тредиаковский, П.В. Постников и др. Основанные в XVIII веке Академический университет в Санкт-Петербурге и Московский университет первоначально отличались от университетов всего мира тем, что в них не было богословских факультетов. С начала XIX века в университетах появились кафедры богословия, всеобщей церковной истории, русской церковной истории, канонического права, которые чаще всего возглавляли священнослужители – кандидаты, магистры и доктора богословия, церковной истории и церковного права. Однако взаимодействие духовной и светской высших школ всё-таки оставалось весьма ограниченным. За время советской власти преподавание богословия и церковной истории в светских высших учебных заведениях на территории СССР было уничтожено.

Господь творит чудеса через Своих людей

Из слова священника Георгия Кочеткова на Новогоднем молебне 31 декабря 2013 года

И эту веру у него надо было бы познать, этой вере у него надо было бы поучиться! И я думаю, что у нас такая возможность есть. Его кончина привела к тому, что многие из тех, кто, может быть, раньше не читал его книг, не слушал его слов, не знал о его жизни, теперь наконец с ними познакомилась.

«...»Наверное, надо ещё сказать несколько слов о событиях в обществе. Я думаю, всем до сих пор памятно то, что к дню памяти жертв советских репрессий, к 30 октября, мы смогли наконец расширить географию поимённых поминовений этих жертв. В этом году это проходило уже в десяти городах. И в Москве в двух местах в центре города это удалось организовать в течение целого дня. Это, конечно, очень важно. Мемориал на Лубянской площади и храм в Бутово – это уже традиционные, «огороженные» места. Теперь же нам удалось выйти на центральные улицы Москвы и на Ваганьковское кладбище и читать там эти имена.

А в начале года, в конце января – начале февраля, мы проводили удивительную конференцию, тоже имевшую определённый резонанс в обществе, – «Равнина русская». Она собрала 200 участников из 24 городов России и зарубежья. И так же неожиданно для нас она прошла удивительно единодушно (притом что в ней участвовало очень много нецерковных и никогда прежде не встречавшихся с нами людей) и действительно с большой духовной силой свидетельства. Тот духовный потенциал, который Господь даёт раскрывать в такие дни, конечно, дорогого стоит. Было приятно и то, что мы также получили поддержку в этом со стороны Отдела по взаимоотношениям церкви и общества.

И наконец, я хотел бы вспомнить некоторые события этого года, имеющие, на мой взгляд, церковное значение, не укла-

дывающееся в общественный контекст или в контекст жизни нашего братства и института. Я имею в виду прежде всего ещё два юбилея: 70-летие Московской Патриархии и 1700-летие Миланского эдикта. И по тому, и по другому поводу я говорил проповеди, довольно обширные и очень непростые. В связи с 70-летием Московской Патриархии мы проводили очень серьёзный семинар в институте с участием лучших историков нашей церкви, компетентных в этих вопросах. А празднование 1700-летия Миланского эдикта, то есть по сути начала Константиновского периода церковной истории, было отмечено для нас ещё одним нерядовым событием – выступлением представителей нашего института на конференции в Императорском Православном Палестинском обществе (наш институт там представляли Зоя Дашевская и я), где нам пришлось столкнуться с откровенно еретическими высказываниями, которые заставили нас уделить этому вопросу особое внимание. Там нам прямо говорили: если вы не придерживаетесь нашей точки зрения на взаимоотношения церкви и государства, если вы не согласны считать всякую государственную власть священной, то мы с вами находимся в разных церквях. Если люди, стоящие на позиции Константиновской парадигмы, доходят до того, что считают, что те, кто не поддерживает эту идеологию, находятся в другой церкви, потому что, мол, они «отрицают всю историю Константиновского периода», то это уже серьёзное заявление, это говорит о том, что в некоторых кругах сложилась целая еретическая традиция. Это уже не просто политический вопрос, это вопрос глубоко церковный, это вопрос веры. И когда я посещал архангельские малые братства в этом году, мы с ними это обсуждали и в результате сформулировали новый (четвёртый) «архангельский» принцип жи-

На одном из заседаний конференции «Равнина русская»

ни нашего братства – принцип борьбы за человека и его свободу, а также борьбы за Церковь и её соборность. Оказалось, что это действительно принципиально.

Важным был для нас и мой краткий разговор со святейшим патриархом Кириллом после Пасхи в алтаре Успенского собора Новодевичьего монастыря, который показал, что сейчас наше братство гнать и выдавливать из церкви никто не будет.

Ну, и под конец я хотел бы вспомнить ещё о двух юбилеях. Хотя это юбилей смерти, но смерти христианской, светлой: 30-летие смерти отца Александра Шмемана и 35-летие смерти отца Тавриона (Батозского). Те из нас, кто помнит, знал отца Тавриона лично, и те, кто помнит время, в которое жил и творил отец Александр Шмеман, не могут недооценить значение этих личностей в нашей церковной жизни, в нашей истории. Их наследие имеет непреходящую ценность. И то, что сейчас, после смерти отца Александра Шмемана, вышли сначала его замечательные «Дневники», а недавно ещё и книжка, которая названа «Литургия смерти», это как раз прямое свидетельство того, что эти деревья продолжают плодоносить, что это не ушедшие куда-то «в загробный мир» люди.

Вот то, дорогие братья и сёстры, о чём я хотел напомнить вам сегодня, в этот предновогодний вечер, не желая вас утомлять и задерживать, но желая помочь вам сконцентрировать свой дух и смысл. Мы действительно живем в важный период церковной истории, и он и радует, и вдохновляет. Пусть мы станем, может быть, всё более немощ-

ными, пусть мы часто проявляем свою человеческую неготовность ко многим событиям, но Господь удивительным образом восполняет это. Он не только терпит нас на земле, но и даёт нам какие-то поразительные дары в это странное время, которое, если посмотреть не христианским, не духовным взором, является временем серым и бесплодным, совершенно не творческим, а часто просто преступным и недостойным. Но вот оказывается, что и в это время Господь творит чудеса через Своих людей, потому что Божья сила, Божье оружие – это каждый человек, которого никто никогда заменить не может. И я надеюсь, что следующий год, дорогие братья и сестры, будет для нас не менее плодотворным, не менее радостным, не менее памятным, не менее значительным, чем год прошедший. Конечно, очень хотелось бы, чтобы было поменьше трагических событий, чтобы нам удавалось как-то обходиться в истории страны и церкви без потерь. Но история есть история, и без этого пока ещё никогда не обходилось.

Будем же, дорогие братья и сёстры, благодарить Бога за всё! Очень хочется, чтобы сердца наши были всегда открыты; чтобы мы действительно имели полное доверие к Господу и друг ко другу, к Христовой Церкви; чтобы мы имели надежду на то, что эта земля и этот народ, который пока не восстал из пепла, ещё послужит Богу и людям. Для этого, мы, конечно, должны держаться за Господа, всегда следовать за Христом и смотреть все вместе только в одну сторону – в сторону Христа!

Аминь.

Заостровье: год спустя

Вышедший год назад январский номер «Кифы» был практически целиком посвящён разорению Заостровского прихода, который в течение многих лет поддерживали Архангельские малые православные братства, входящие в Преображенское содружество.

Я думаю, для наших читателей не может не быть важным и интересным, что произошло за год с приходом, с его бывшим настоятелем, с наполнявшим некогда этот храм народом? Что об этом говорили и писали в течение года?

Вот краткие итоги.

Приход

11 января 2013 года, в день памяти четырнадцати тысяч младенцев, от Ирода в Вифлееме избитых, после двухнедельной информационной войны против заостровского прихода с поста его настоятеля был смещён священник Иоанн Привалов, возглавлявший приход в течение без малого 20 лет. Новый настоятель, о. Пётр Кузнецов, тут же вошёл в епархиальные структуры, став руководителем отдела по взаимоотношениям церкви и общества. Предполагалось, что он начнёт активную работу по реставрации храма.

Первое время организаторы информационной войны привозили автобусами своих прихожан на службы и скидывались о. Петру на зарплату (несколько сот

прежних прихожан, голословно обвинённых в раскольнической деятельности, ушли из Заостровья в другие приходы). Постепенно «группе поддержки» надоело тратить на это силы. В жизни прихода всё заметнее контрастировала виртуальная часть (о. Пётр пришёл в детский сад, сфотографировался с детьми, быстро ушёл; пришёл в больницу, сфотографировался, ушёл; пришёл в школу... и т. д.; потом на сайте епархии появляются красивые репортажи о его деятельности) и реальная: на службе в лучшем случае полтора-два десятка человек, не готовых брать на себя ответственность за приход; ураганом снесён крест на куполе, и несколько месяцев некому его опять поднять, он так и валяется во дворе; украдены несколько икон и, наконец, самое страшное – снесён в одночасье бульдозером многие годы бережно хранимый прежними прихожанами дом священномученика о. Феодора Тамицкого, бывшего в 1920–1930-е годы настоятелем заостровского храма.

Впрочем, к этому моменту о. Пётр уже не был ни настоятелем заостровского храма, ни главой епархиального отдела. Осенью его сменил новый, ещё более молодой священнослужитель, двадцативосьмилетний о. Дионисий Маринов. В этом году в день памяти вифлеемских младенцев в Заостровье служил Управляющий епархией. На литургии было от силы сорок человек, из них местных жителей всего десять...

Священник Иоанн Привалов

После упомянутого выше епархиального собрания 11 января минувшего года о. Иоанн в результате тяжёлого стресса (трёхчасовой жёсткий разговор проводили, направив ему в лицо видеоканеру) попал в больницу. С этого момента он постоянно находился на больничном, пять раз был госпитализирован, перенес несколько операций и летом получил инвалидность. В конце сентября он подал прошение о том, чтобы его по состоянию здоровья почислили за штат или на покой. В октябре это прошение было получено канцелярией епархии, но ответа нет до сих пор. В ноябре аналогичное прошение ушло в Управление делами Московской Патриархии. На сайте Архангельской епархии продолжается травля о. Иоанна, в многочисленных интервью его обвиняют в том, что он не выходит на службу. Возможно, вопреки очевидности его попытаются без всякого основания «подвести под запрет».

Архангельские братства

Тот, кто читал выпуски серии «Христианский вестник», где описывалось множество историй, происшедших за последние 20 лет и во многом подобных заостровской, наверняка помнит, что духовно сохраниться не рассеявшись, не уйдя в раскол в подобной ситуации удавалось немногим. Это оказывалось возможным, когда гонение было кратковременным и прекращалось «сверху», как это было в конце 1990-х в Томской и Екатеринбургской епархиях, где были сняты решением патриарха и Синода начавшие активно разрушать всё живое в своих епархиях епископы; это мог выдержать в течение десятков лет настоящий исповедник веры, прошедший советские лагеря, – протоиерей Павел Адельгейм, погибший непобеждённым; и, наконец, это было возможно там, где существовали братства. Архангельские братства не явились исключением. Люди не ушли из церкви, не разбежались друг от друга (от братского общения отошли единицы, полторы сотни – остались), более того – продолжили служение. Достаточно сказать, что организованная братствами выставка о новомучениках объездила уже 14 городов и поселков Архангельской области.

Что говорилось в СМИ

После активной кампании января и отчасти февраля 2013 года тема Заостровья встречалась в СМИ всё реже. Если в первые месяцы ушедшего года по признанию заостровцев против них «боролась целая армия», то ближе к концу года заостровский конфликт упоминался скорее как одно из «важнейших событий года» – «открытое недовольство церковных общин в с. Заостровье и в г. Новодвинске Архангельской епархии решениями правящего архиерея*». (Новодвинский приход не был никак связан ни с Заостровьем, ни с о. Иоанном, но в декабре шумно возмутился перемещением своего священника). Можно сказать, что в целом истории разгона живых приходских общин и недостойные методы «информационных гонителей» Заостровья – такие как очернение памяти любимого в Архангельске покойного епископа Тихона – несомненно, сыграли значительную роль в создании негативного образа епархии в информационном поле.

* См.: Виктор Судариков. 13 главных событий 2013 года. Какие события года останутся в истории Церкви и общества? Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/ob-uxodyashhem-2013/>

Руины дома священномученика Феодора Тамицкого. Сейчас на этом месте возводится металлоконструкция

Нужно сойти с пьедестала «гуру»

Интервью с игуменом Агафангелом (Белых)

Отец Агафангел, как Вы считаете, почему люди выбирают миссионерское служение в отдалённых местах, тяжёлых условиях? Вы как-то упоминали о том, что нужно иметь такое свойство – любить заранее тех людей, к которым приедешь...

Да, святитель Иннокентий Московский, когда рассказывал, почему он поехал на Уналашку, Алеутские острова, говорил, что изначально нужно любить тех людей, к которым едешь. Вот представьте: тогда ещё отец Иоанн, – он был настоятелем городского храма в Иркутске, – 26 лет, магушка, ребёнок годовалый. Он сам молодой, но уже известный в городе священник. И он писал, что, во-первых, полюбил тех людей, добрых и хороших, но Христа не знающих, ещё по рассказам путешественника Ивана Крюкова, который бывал у него дома. А во-вторых – просто захотел увидеть дальние страны. В то время это было невозможно для священника, который был намного более закрепощён за своим приходом, нежели сейчас, взять и уехать в Америку. Это сегодня можно взять отпуск, сесть на самолёт. Поехать служить за границу, на территорию США, ныне для кого-то даже престижно, наверное, а тогда как? Это же был ужас: путешествие на полгода с обозом, через всю Сибирь, потом кораблик парусный – через океан, лишения, впереди полная безвестность. И вот, в результате он стал великим миссионером, святителем, который сделал огромное дело для проповеди Евангелия в мире.

У него есть такой текст «Наставление Нушагакскому миссионеру иеромонаху Феофилу». Когда я преподавал в семинарии, то пытался заставить каждого студента прочитать его. Потому что если ты этого его труда не знаешь, значит, ты не знаешь одного из самых важных текстов по традиции миссии в России. Там даются очень подробные указания, у чего должен быть самый большой приоритет – у слова. Слова! Вот, если тезисно пересказать, что он пишет: не заставляйте их слушать много длинных служб, они им будут непонятны ещё долго, пусть лучше больше слушают толкования Писания, Евангелия, пусть учатся изменять свою жизнь ради Христа. Это было сказано в середине XIX века. И этот пример для меня всегда важен.

Есть собрание писем святителя Иннокентия. Там можно найти ответы на многие современные вопросы. Например, как быть с исповедью там, где нет ни одного священника. Да, ладно, сейчас говорится, что можно по телефону, по скайпу, а если нет ни телефона, ни скайпа, если вопросы какие-то сложные? У свт. Иннокентия есть переписка с митрополитом Филаретом (Дроздовым), где этот вопрос обсуждается, и он уже, будучи архиереем, пишет: «Я благословил им в письмах писать, исповедоваться». Митрополит Филарет через год отвечает: «В письмах – опасно, может, кто прочтает, будет некрасиво, пусть лучше скажут всё перед престолом, потом, при случае, повторят духовнику».

Вы принимали в Тикси семинаристов, которые приезжали на стажировку. Исходя из того, что Вы увидели, – у кого есть нужные качества, нужна мотивация, «горение сердца» для миссии в дальних странах?

Это дар Божий, однозначно. Действительно, нельзя первого попавшего человека так обучить, чтобы он стал учителем церкви – катехизатором. Это должен быть дар, который должен проявиться, и он должен быть запечатлён Церковью через благословение архиерея. Точно так же невозможно научить миссионерству. У меня был такой период в первые годы служения, в 2000 году – я тогда уже преподавал миссиологию, и не было ни учебников, ничего, – я наивно искал «ту самую технологию», которая всему научит. И я не смог найти, потому что её нет на самом деле, как мы сейчас знаем. Нет такой технологии, какого-то однозначного для всех алгоритма становления миссионером.

Окончание на с. 2

Отвечают катехизаторы

В чем, на ваш взгляд, специфика современного оглашения, есть ли отличия по сравнению с прошлыми годами? Сказываются ли, например, информационные скандалы последних лет – не стало ли еще труднее входить человеку в Церковь?

Сергей Смирнов, Свято-Андреевское братство: Сравнить с предыдущими годами не берусь, для меня всегда личные особенности были важнее общих. Информационные скандалы делают свое дело: некоторые уходят, заглянув в интернет и почитав там, что о нас пишут; другие сталкиваются с обвинениями в сектантстве со стороны своих ближних. Правда, эти обвинения больше связаны не с информационными скандалами, а с тем, что подавляющая часть нашего населения полагает, что для «настоящих православных» вера не порождает никаких обязательств перед Богом. Иными словами, от православных не ожидается никакой «жизни по вере»; допускается зайти в храм, поставить свечку, заказать молебен, съездить на экскурсию в монастырь. Еще он, разумеется, должен заботиться о своих близких. А если человек – не монах и не священник – вдруг начинает что-либо делать, согласное со своей верой (ходит регулярно в храм, перестает пить, блудить и т. п.), он мигом попадает под подозрение в «сектантстве».

Юлия Балакшина, Свято-Петровское братство: Да, конечно, апологетика церкви на оглашении сейчас приходится заниматься гораздо больше. Причем обсуждение внутрицерковных скандалов – дело заведомо безблагодатное, оглашаемым не полезное. Снова и снова приходится вспоминать слова прот. Валентина Свенцицкого о том, что «грех в церкви – это не грех церкви, а грех против церкви». Но меня в последних огласительных группах поражает еще другое: размытость внутренних этических норм, тяжесть греха, в пучину которого подчас бросаются русские люди. Сердце болит от того, что происходит с народом. Понимаешь, что исцелить людей может только Христос и Церковь. Но если церковь будет скомпрометирована, если вместо Церкви любви и свободы людям предложат церковь-армию, то что же будет с нашим народом дальше?..

Нужно сойти с пьедестала «гуру»

Начало на с. 1

Ясно одно, что это дар Божий, и всё, что мы можем, – это дать человеку какие-то начальные сведения, знания о существующей традиции, необходимые для общего развития, чтобы он понимал, что вот так нужно делать, а вот так не нужно. Во-вторых, мы должны, конечно, стараться возгревать этот дар у тех, у кого он есть. Ведь необдуман-ными действиями, неправильным отношением можно погасить любой добрый порыв.

За четыре года у нас в Тикси в общей сложности было двенадцать семинаристов или выпускников семинарии и пять священников. Я скажу, что меньшая часть из тех, кто приезжал, имела такое притяжение к свидетельству. Кто-то приезжал отбывать послушание: его направили, человек приехал, он послушный, ему говоришь – он делает, ему не говоришь – он не делает, сидит в компьютерные игрушки играет или в спортзале пропадает. Один студент просто панически боялся любой миссионерской работы. Я как-то попытался его в школу на беседу отправить, так он просто убежал.

А был как-то со мной в отдалённом якутском посёлке, где, кстати, нет ни одного русского жителя, один семинарист. Парнишка из Центральной России такой выраженной славянской внешности, светловолосый. Потрудился он там пару месяцев в лютые морозы, а потом сказал: «Я сюда ещё хочу вернуться». Ему это было живо и интересно.

Меньшая часть имеет этот дар, это призвание. Следует понимать также, что нам нужно разделять понятие «миссия» на работу в отдалённых местах, почти не просвещённых христианством, и, скажем, на нашу внутреннюю, ближнюю миссию, обращённую к людям невоцерковлённым, которые находятся здесь, на территории Центральной России. К этому тоже нужен и дар, и своё призвание, разумеется. Поэтому я сейчас говорю в очень узком смысле о миссии как о готовности, как мы говорим, «отречься от всего» ради дела проповеди Евангелия. Очень высокие слова, но человек, который собирается уехать в дальние дали на неопределённое время, действительно оставляет и семью, и близких, и всё прочее. И нет никаких сомнений – мы не можем горевать, что таких людей мало, мы должны радоваться, что они вообще есть.

Как Вы считаете, где, кроме Тикси, нужно такое служение?

Это все места, где очень много населённых пунктов без приходов, где мало духовенства: Дальний Восток, Сибирь. Во многом Сибирь, потому что хотя в Сибири лучше и с дорогами, и с духовенством, но все равно есть, скажем,

Енисейская епархия или та же Нарьян-Марская и им подобные, где огромные расстояния и никакой инфраструктуры. В центральных областях, если священник, скажем, не любитель путешествий, но батюшка добрый, хороший, то он может у себя на приходе жить, и вокруг него будут люди собираться. Мы видим множество примеров, как можно быть очень хорошим пастырем долгие годы в одном храме.

А там нужно ходить за каждым человеком. В тех местах, если будешь сидеть на месте, то не будет никакого смысла: никто тебя не ждёт и никто не придёт сам. Даже сам принцип устройства миссионерского стана заключается в том, что он располагается на таком месте, где есть какой-то транспортный узел – аэродром, зимники, морской или речной порт и т. п. И оттуда мы можем регулярно посещать разные места, т. е. постоянно держат в зоне нашей миссионерской ответственности большую территорию.

Ваше интервью люди прочитают, и у кого-то может зародиться желание потрудиться в «дальних странах». Что Вы можете им порекомендовать?

Я думаю, что можно обратиться в Синодальный миссионерский отдел прежде всего. Потому что у миссионерского отдела сейчас есть несколько дальних направлений в работе: Тува, Бурятия, Чукотка, Магаданская область, Камчатка, Сахалин, Якутия, Енисейская епархия – насколько я помню, там сейчас нужен человек, который мог бы трудиться на Диксоне. Можно обратиться и напрямую к архиереям, управляющим этими епархиями, и желающим всегда найдётся место.

А что им предстоит?

Во-первых, думаю, что им нужно сразу всю романтику выключить. Люди очень часто не имеют представления о реальной жизни. Сидит человек у себя, внутри МКАДа, смотрит телевизор, читает книжку, ему кажется, что там будет сплошная рыбалка и приветливые аборигены. Но приезжает туда, а там, извините, подробность такая – туалет за двести метров от дома при морозе минус 50, а ему это забыть объяснить. Это не входило в его романтические представления о миссионерском подвиге. А туалет – типа сортир, бетонная коробка с дыркой, открытая всем метелям, и всё. У нас был один студент, именно бытовые неудобства его сокрушили: необходимость растапливать лёд, прежде чем утром умыться, печь нужно дровами топить, баня работает раз в неделю и т. п. И он с радостью улетел, как только ближайший борт пришёл. А один

московский миссионер, также узнав про эти пресловутые «неудобства на улице», озабоченно спросил меня: «Почему же туалеты не отапливаются? Может, они там не знают и им сказать нужно?»

Или «приветливые аборигены» вдруг ночью в абсолютно невменяемом, пьяном виде будут ломиться к вам в дом с ножом или дробовиком наперевес, кого-то искать, причём говорить при этом будут не по-русски. А может, в том посёлке русских и вообще не будет. И «сникерсов» не будет, и «Кофе Хаузов», и до ближайшего «МакДональдса» семь часов на Боинге лететь в Канаду. А будет один магазин, где бомж-пакет лапши стоит, как чашка хорошего кофе в Москве, и всё. Если он всё это вынесет – то потом всё нормально будет. Есть надежда.

Ещё, я уже об этом где-то писал – нужно сразу сойти с пьедестала «гуру»: вот, я, белый человек, приехал дикарей чему-то учить. Это категорически невозможно, в первую очередь для человека, который хочет заниматься миссией. Можно сказать: «Я приехал жить вместе. Можно я чему-нибудь у вас научусь?» Нужно стараться жить так, чтобы у людей возникли вопросы вечные и важные, – вот это будет хорошо. А если приехать в розовых очках и с намерением «я сейчас открою этим дикарям истину» – толку не будет. Будет глубокое разочарование в себе и вред для всех.

На конференции «Традиция святоотеческой катехизации: основной этап» мы говорили о том, что катехизаторское служение очень благодатное, потому что ты видишь, как люди изменяются, как действует Господь. А что бы Вы могли сказать о служении миссионера?

Мы об этом говорили: сложно отделить одно от другого. По крайней мере, в той части, которая касается служения в дальних местах, где ты и швец, и жнец, и на дуде игрец, «сам читаю, сам пою, сам кадило подаю». Там сложно бывает понять, ты вот сейчас катехизатор, а вот сюда шагнул – и ты уже миссионер. Миссионер должен своим свидетельством рассказать о вере человеку, привести его к мысли об этом вопросе. А катехизатор должен научить вере того, кто уже переступил порог Церкви. Это всё близкие вещи. И для того, и для другого нужно самому стараться быть на полшага впереди, стараться всё это передать тем людям, с которыми тебя свёл Господь.

Беседовали Дарья Makeева, Анастасия Наконечная
Полностью интервью опубликовано на сайте Преображенского братства
Фото из блога игумена Агафангела (Белых)

Рождество постепенно уходит из Европы

Традиционные рождественские украшения здесь заменяют на нейтральные зимние декорации

Праздник Рождества Христова постепенно исчезает из жизни коренных европейцев. На улицах некогда христианских городов Брюсселя, Копенгагена, Берлина с каждым годом можно увидеть всё меньше праздничной рождественской символики, формирующей атмосферу всеобщей радости.

Иногда замена традиционных городских украшений в честь праздника Рождества Христова связана с актами вандализма. В прошлом году на Рождество во французском городе Шоталин (Бретань, департамент Финистер) фигуры Девы Марии и Иосифа, использованные в композиции «Рождественская купель», были обезглавлены неизвестными. В этом году администрация, во избежание провокаций и повторения прошлогодних неприятностей, приняла решение заменить «Рождественскую купель» на более нейтрального снеговика.

Рождество 2012 года стало новой страницей в истории Брюсселя – традиционная рождественская ёлка на рыночной площади Grote Markt была заменена на некий постмодернистский артефакт в виде электронной скульптуры высотой в 25 метров, состоящей из массы экранов. Чудо-ёлка одновременно стала аттракционом с элементами дискотеки: через каждые 10 минут она представляет музыкально-световое шоу. Совершенно очевидно, что эта новомодная статуя никаким образом не относится к христианскому празднику – ни по форме, ни по содержанию.

Муниципальные власти объяснили замену ёлки религиозными соображениями: якобы ёлка как символ христианского Рождества может задеть чувства представителей других религий. Не стоит забывать, что на данный момент численность мусульман в Брюсселе составляет уже 25 % и продолжает расти.

В этом году после многочисленных протестов местных жителей власти Брюсселя решили отказаться от радикальных перемен и вернули людям традиционную рождественскую ель. Однако все остальные украшения и составляющие элементы программы торжества заменены на более нейтральные символы зимы, говорится в анонсе на сайте Brussels.be.

В прошлом году также сообщалось, что в Дании, по решению совета одного из районов Коккедаля (на севере Копенгагена), жители впервые за много лет остались без ёлки на Рождество. Когда они стали собирать деньги на традици-

онную рождественскую ёлку, которую в течение многих лет было принято ставить накануне Рождества, исламская община проголосовала против, отказавшись собрать всего 8000 крон. Несмотря на то, что нашёлся человек, который хотел поставить ёлку за собственные деньги, совет решил этого не делать, поскольку из 9 членов совета 5 являются мусульманами.

В Кройцбурге, одном из наиболее густонаселённых мусульманами районов Берлина, власти запретили публичное празднование Рождества Христова, сообщает Mmnews.de. Отныне христиане Кройцбурга смогут праздновать Рождество только у себя дома, дабы не потревожить религиозные чувства остальных жителей района. Администрация округа приняла решение запретить употребление христианской праздничной символики в эти дни. Рождественская ёлка может быть установлена теперь только в центральной части города, выделенной для этого властями заранее, пишет «Berliner Zeitung».

Формальным поводом к запрету празднования Рождества, как ни странно, стало недавнее шумное массовое празднование мусульманами на улицах Берлина окончания исламского поста – Ураза-байрам, в результате которого поступило, по данным администрации, множество жалоб со стороны местных жителей. По этому поводу власти решили запретить общественное празднование любых религиозных праздников, поскольку запретить только исламские праздники было бы не политкорректно.

Несмотря на запрет массовых религиозных празднований, по-прежнему разрешены массовые гуляния любого другого характера, главное – чтобы они не были религиозными. То есть такие общественные акции, как гей-парад, карнавал культур либо пивной фестиваль, вполне могут проходить на улицах Берлина. При этом вопрос о том, что это может задеть чьи-то религиозные чувства или нарушить покой жителей города, даже не рассматривается.

Так день, который когда-то был Рождеством, постепенно превращается в некий доступный всем зимний праздник, который в равной степени смогут отмечать как верующие любой религии, так и неверующие, что по большому счёту имеет место уже сейчас. Христианская символика постепенно уходит вслед за утерянным смыслом этого, ставшего в Европе давно светским, христианского праздника.

Седмица.ру

Патриарх Мелкитской церкви подтвердил мученичество 215 сирийцев

Мелкитская католическая церковь в Сирии считает 215 убитых исламистами сирийцев мучениками за веру. Патриарх Григорий III Лахам в интервью portalу KIRCHE IN NOT официально подтвердил, что эти люди погибли после признания себя христианами в ответ на вопрос террористов об их вере.

Международная католическая организация «Помощь Церкви в беде» начала рождественскую акцию помощи семьям сирийских христиан, погибших от рук исламистов.

Седмица.ру

Более 150 церквей закрыты в Колумбии боевиками-марксистами за последние полгода

Священников и пасторов, отказавшихся подчиниться, мятёжники берут в плен и угрожают казнью

Пастор Анхель Пинто из «Church of God» в Пуэрто-Асис за время своего 25-летнего служения 5 раз был в плену у вооружённых групп. Дважды его хотели казнить за проведение проповедей. Но в обоих случаях местные командиры, узнав, что его община занимается помощью детям-сиротам, в том числе детям бывших партизан РВСК (Революционных вооружённых сил Колумбии), отпустила пастора на свободу.

Угрозы расправы прозвучали недавно в адрес 6 священников епархии Мокоа. В интервью El Colombiano глава диоцеза Мокоа епископ Луис Альберто Парра жаловался на то, что повстанцы приказали закрыть церкви и запретили священникам посещать отдалённые общины – по сути, РВСК стремятся прекратить религиозную жизнь в регионе.

С 1950-х гг., когда РВСК начала партизанскую войну, по данным исследования Колумбийского национального центра исторической памяти, 220 тыс. человек погибли, сотни тысяч семей стали беженцами, создав одну из крупнейших в мире популяций внутренних перемещённых лиц.

Седмица.ру

Рождественская просфориада

Встречи с таким необычным названием не первый год проводит в воронежском Доме актера малое православное братство во имя святителя Тихона Задонского. Они проходят во время Святков, являясь дополнительной возможностью от всего сердца поделиться радостью и смыслом переживания дорогих дней. Такая рождественская встреча состоялась и на этот раз 8 января, собрав немало гостей и друзей братства.

Само слово «просфориада» родилось по ассоциации со знаменитыми «шубертиадами», которые устраивали Францу Шуберту любящие его друзья. Композитор оставался верным своему призванию вопреки предвзятому мнению родных: музыкант для бюргерского сознания – профессия непрестижная, неприбыльная. Он часто жил в такой бедности, что в снимаемой им комнате не было даже фортепиано, и не было возможности исполнить и услышать, как звучат собственные новые сочинения. Тогда друзья композитора стали устраивать встречи, душой которых был Шуберт и его музыка.

Главный смысл христианской просфориады заключается в самом её названии: просфора – «дар», «подарок», что близко духовному контексту христианских праздников. Дары просфориады – творческие, очень разные. Как самостоятельный жанр она имеет свои принципы. Во-первых, это не «детский утренник», хотя встреча объединяет и детей, и взрослых. На сцене по очереди и вместе оказываются как профессиональные музыканты и артисты, так и ученики, и совсем непрофессионалы, ведь христианское сердце не может не жить творческим духом. Во-вторых, просфориада собирает как людей с большим церковным опытом, так и тех, для которых красота и смысл христианства только приоткрываются. На просфориаде всегда царит дух свободы, импровизации. Наряду с весёлыми и

радостными просфорами театрального и музыкального характера звучат серьёзные, в том числе из опыта исповедников веры. И наконец, слова ведущего, как и вступительные комментарии самих выступающих, непременно должны нести в себе внутренний огонь.

«В Рождество все немного волхвы...»

Любое приношение Христу непосредственно связано с Его прославлением, чем и являются рождественские колядки, звучавшие на русском и украинском языках. Пели колядки и подростки, недавно вернувшиеся с выезда в загородный дом Культурно-просветительского центра «Преображение», где они их вместе разучили.

По традиции первые выступления были детские. Их мотив всегда один: герои сценки идут поклониться родившемуся Христу. Но каждый раз выступающие вместе со зрителями сталкиваются с препятствиями на этом пути, в своём поиске Младенца участники обретают настоящих друзей.

На вечере выступил московский гитарист Константин Шаталов, исполнивший пьесу Августина Бариуса «Сон в лесу». Член братства Ольга Евстигнеева исполнила песню собственного сочинения на стихотворение Ольги Седаковой «Несчастен, кто беседует с гостем и думает о завтрашнем деле...» А после совместного чаепития с пирожками и пирогами – тоже рождественского дара! – на вечере родились приношения от зрителей. Потому что «в Рождество все немного волхвы...»

Колыбельная Младенцу Христу

Примером свидетельства о Христе времён эпохи застоя в нашей стране стала история, взятая из воспоминаний монахини Евфимии (Пашенко). В одном из домов престарелых в зимний вечер 7 января 1986 года была новогодняя вечеринка. По недосмотру медперсонала среди веселящихся появилась неизлечимая душевно больная украинка Макаренко – даже имя её оказалось забытым. Она навсегда была словно погружена в непроходящий испуг, вызванный пережитыми в советское время репрессиями. Но на один вечер, как оказалось, накануне смерти, к ней вернулось ясное сознание. Войдя, она поклонилась и сказала, что «сьогодні Різдво Христове», а затем спела западно-украинскую колядку. Это была колыбельная песня маленькому Христу. Совершенно непривычно для традиционного жанра в ней звучали

слова о предстоящем Кресте: «Не питай, що колись буде, що зготують хрест Тобі люди». Все слушали внимательно, включая тех, кто хранил открытки с портретом Ленина, и разошлись в тишине. Для кого-то слова о Христе и смысле Рождества прозвучали впервые. Колыбельная заканчивалась такими словами:

Спи, Ісусе, спи,
Серце вітвори!
Хай на ньому спочивають,
Тут на землі, і там в раю.
Люли, серденько, люли.

«Именинник»

Проблемы восприятия христианских праздников в современном мире, формальное христианство были с юмором показаны в сценке «Именинник». Её главный герой, желая отметить свой день рождения, ждёт гостей с самого утра и убирает свой дом. Пришедшие же наконец гости начинают поздравлять друг друга с праздником и веселиться, совершенно забыв о виновнике торжества. И хоть именинник не раз пытается напомнить о себе – все его усилия оказываются тщетными. Гости вечера сразу же узнали отношение к Рождеству в современном обществе, когда не знают или забывают о самом главном – о родившемся Младенце Христе, о кеносисе – умалении Бога, ставшего человеком, чтобы у каждого из нас были силы помнить и осуществлять своё призвание, жить по Его образу и подобию.

Заключение

В завершающем прощальном слове Алексей Евстигнеев, председатель братства во имя святителя Тихона Задонского, поблагодарил всех гостей и участников просфориады, поздравив с Рождеством, и сказал: «Сегодняшний праздник исторический и метаисторический. Он напоминает нам о том, что когда-то произошло величайшее событие в истории человечества, в истории каждого из нас. Сегодня звучало множество слов о величайшем смирении Бога, о рождении Бога в сердце каждого из нас. Сегодня мир всё агрессивнее относится к празднику Рождества. Связь человека и Бога очень мешает кому-то... Очень хотелось бы, чтобы это соприкосновение Бога с нами всегда было живо в наших сердцах. Пусть же наши последующие действия соотносятся с этим событием!»

Нина-Инна Ткаченко, Юрий Крапивин
Фото Дениса Караваева
Информационная служба
Преображенского братства

Рождественская викторина